

ВИКТОРИЯ
ВОЛКОВА

Шибарот-
НАВЫВОРОТ

Шиворот-навыворот

Виктория Волкова

Шиворот-навыворот

«Виктория Волкова»

2019

Волкова В. Б.

Шиворот-навыворот / В. Б. Волкова — «Виктория Волкова»,
2019 — (Шиворот-навыворот)

Бывает из-за пустяка все идет наперекосяк. Малодушие, трусость, неумение сказать «нет» в нужный момент, и из-за нелепой лжи полностью меняется жизнь. Знать бы об этих моментах заранее и обойти стороной. А если бы время могло повернуться вспять, захочешь ли ты изменить судьбу или снова наступишь на те же грабли?

© Волкова В. Б., 2019

© Виктория Волкова, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	45
Глава 9	53
Глава 10	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Виктория Волкова

Шиворот-навыворот

Глава 1

– Тебе вчера звонили из фонда Сороса! – сказала теща во время завтрака.

– Прошу прощения? – переспросил Иштван Цагерт удивленно. Черные как смоль брови поползли вверх. И он сделал над собой усилие, чтобы не засмеяться и не выплескать кофе себе на брюки. – Откуда звонили, Раиса Петровна?

– Из фонда Сороса, – невозмутимо повторила она и налила себе в чашку чаю и молока. Зять внутренне поморщился. И как можно пить такую бурду?

– Разве они не перезвонили тебе на работу?! Я дала все твои координаты! – начала возмущаться теща.

– А какие вы дали координаты? – еле сдерживаясь, спросил Иштван.

– Все, что были у тебя на визитке! А что?

Она его раздражала. Всегда. Даже тогда, когда и не была вовсе его тещей. Но нахамить ей он не мог. Хотя иногда так хотелось! Раиса Петровна была его классной руководительницей долгих семь лет. И он привык обращаться к ней уважительно. Что поделаешь, условный рефлекс.

– А кто звонил? Он хотя бы представился? – вкрадчиво спросил зять, скрывая раздражение.

Что за идиотская манера! Приехать в гости и первым делом хвататься за телефонную трубку. Можно подумать, что звонят только ей.

– Сказал, что руководитель фонда! – Уверенность тещи в своей правоте была непоколебима.

Он вспомнил, что в школе ученики ее называли Рая из-под трамвая, и от этого воспоминания стало как-то теплее на душе.

– А Альфред вчера не звонил? – поинтересовался Иштван.

– Какой еще Альфред? – Лицо тещи стало напряженным.

– Альфред Бернхард Нобель, учредитель нобелевской премии, – тихо пояснил он без тени иронии. Он всегда разговаривал с ней так. Как с душевнобольной. Общаться же, как с нормальным человеком не получалось.

– Иштван, – предупредила жена о надвигающемся скандале. Сейчас Раиса начнет возмущаться и достанется всем. Иштвану – за глумление над стариками. Хотя теща таковой не являлась и очень бы обиделась, назови ее кто-нибудь старухой. Свете – за плохое поведение, а Лиле – за плохое воспитание.

– Мам, а когда звонили? – Лиля намазала бутерброд творожным сыром и, водрузив сверху два колечка огурца, вручила дочери.

– Ты с малышом в парке гуляла, – отмахнулась Раиса Петровна.

– Ба, а я где была? – подала голос Света.

– А вы, девушка, заснули на диване, когда читали любовный роман! – ехидно проговорила теща, пытаясь увести разговор в сторону и спровоцировать Иштвана.

– Я не читала никаких романов, я... – попыталась оправдаться его взрослая дочь.

– Света, Мишку разбудишь! – предупредила Лилия.

Про себя Иштван отметил, что вечером надо не забыть отругать Светку за дурацкое чтение.

– Странный звонок, – задумчиво произнес он, уставившись в одну точку.

– Почему странный? – поинтересовалась Раиса.

И у него не хватало терпения и сил объяснять ей, что все координаты его фирмы находятся или в толстых, красочно оформленных буклетах, которые специально издаются в рекламных целях, или имеются в Интернете в открытых источниках. На официальном сайте компании, например. И любое заинтересованное лицо, будь то господин Сорос или даже Ротшильд, могут позвонить в его офис или отправить письмо по электронной почте. И никому не придет в голову звонить ему домой, чтобы выяснить, где он работает. А номер домашнего телефона и домашний адрес являются закрытой информацией.

Он, словно очнувшись, положил себе в рот эклер целиком и, прожевав, сказал:

– Наверное, господин Сорос узнал о моем тяжелом материальном положении и решил помочь!

– Ага, – легко подхватила Лиля. – Пришлют тебе грант для восстановления финансовых пирамид!

– Не гневи бога, Иштван! – с порицанием изрекла теща. – Посмотри, как люди живут вокруг!

– Бога нет, Раиса Петровна, вы нас сами учили. Помните? – Иштван вежливо улыбнулся. Раиса Петровна пошла красными пятнами от гнева.

– А еще вы учили нас надеяться только на себя. Правильно, кстати говоря, учили. – корректно заметил Иштван. – Вот мы и надеемся только на себя! Правда, Лиля?

– Я очень рада, что хоть что-то делала правильно. – Раиса резко встала и демонстративно вышла из кухни.

– Что поделаешь? Раиса Петровна, – вздохнула Лиля и, обращаясь к Свете, добавила: – Собирайся быстрее, отцу некогда тебя долго ждать.

Дочь встрепенулась и поплелась к себе в комнату одеваться.

Иштван подошел к жене. Большие еще не накрашенные тушью, зеленые глаза смотрели лукаво и нежно. Светлые коротко подстриженные волосы были зачесаны назад. Черный шелковый халат оттенял белую матовую кожу.

– Когда выходишь из дома, бери с собой телефонный аппарат! – ласково прошептал он ей в ухо.

– У нас их три! – весело возразила она.

– Забирай все! Кажется, на антресолях есть большая дорожная сумка! А может, согласимся на все ее условия, и она уедет? А, Лиль?

– Обойдутся! Во-первых, та квартира твоя. То есть наша, – быстро поправилась она. И потом, они сдают ее, и на эти деньги за аренду мы не претендуем! И это своего рода помощь. Почему теперь мы должны им эту квартиру подарить? Мы что, так богаты, чтобы раздаривать квартиры, пусть даже родственникам?

– Заметь, твоим родственникам, – ехидно уточнил Иштван.

Неделю назад к ним приехала из Города теща и по-свойски так предложила переписать на нее квартиру, мотивируя это тем, что мол вам она уже не нужна. Как будто речь шла о какой-то безделице!

– Эта дура, моя сестра, выйдет в очередной раз замуж, и новый муж с радостью отсудит у нее нашу квартиру. И потом, Иштван, может, она нам самим пригодится или Мишке со Светкой!

– Они захотят там жить? – с сомнением спросил он и притянул ее к себе. Провел рукой по шее, взъерошил волосы и поцеловал.

Господи, почему же эта женщина так на него действует? Все эти годы. Прямо наваждение какое-то! «Хорошее, надо сказать, наваждение, хотел бы я в нем пребывать до самой смерти!» – подумал Иштван.

– Хорош целоваться! – раздалось от двери. – Я в школу опоздаю!

Он выскочил из машины на московскую заснеженную улицу, одной рукой придерживая длинные полы черного кашемирового пальто. Мимо спешили люди. Прошли молодые девчонки, с интересом косясь в его сторону. Иштван галантно пропустил их, усмехнувшись про себя. Красавицы, строившие глазки, казались чуть старше его собственной дочери, которая пару минут назад выпорхнула из машины у ворот школы. Он заспешил по слякотной улице, раздражаясь, что испачкает пальто. Черт побери, когда эта зима кончится! «И почему все время идет снег, хотя на дворе уже середина марта!» – с досадой подумал он. И тут же, как в водоворот, его мысли свернули в привычное русло. Сегодняшняя макля обещала быть удачной.

Можно сказать культурно: «дело», «авантюра». Но «макля» казалось более емким. Он обожал это слово, потому что был родом из южного города, где растут не баклажаны и свекла, а синенькие и бурак, где люди ходят на базар, а не на рынок. И слово «пиндитный» не является ругательством, а просто объясняет некоторые особенности вредного характера. Жизнь в Москве заставила его говорить иначе, и жить по-другому. Большой город, хаотично застроенный. Здесь нельзя просто пойти погулять и на главной улице встретить кого-то из знакомых. И в разговоре с малознакомым человеком выяснить, что ты знаешь про него абсолютно все, про его семью, любовницу и даже сиамскую кошку. И для тебя это сюрприз, а он смотрит на тебя, как на проходимца. Как это в миллионном городе возможно такое! А возможно, потому что с тобой вместе в одном отделе работает его мама или сестра. В Москве такого случиться не может. И человек, каких бы высот он ни достиг, чувствует себя песчинкой в этом людском океане. На каждой улице, в каждом переулке. И кругом все чужое, и лица, и мимика, и даже говор. И мягкая южная речь делает тебя чуть ли не чужестранцем.

– А вы, не москвич, – слышится на каждом шагу. Нет, не москвич, и букву «г» произношу с придыханием. Но у меня здесь серьезный бизнес, и будьте добры считаться.

Человек, стоявший около стены, следил взглядом за Иштваном Цагертом. Наблюдал, как он, держа большой кожаный портфель, стоивший по меньшей мере несколько учительских зарплат, уверенно прокладывает себе дорогу в людском потоке, шедшем ему навстречу.

«Он всегда шел напролом, калеча чьи-то жизни», – подумал наблюдатель и отделился от стены.

Иштван поднялся по мраморным ступенькам и уже потянулся к бронзовой ручке на дубовой двери, как его окликнули. Он резко обернулся и с трудом узнал позвавшего его. А вот это сюрприз, и сюрприз неприятный. Тем более сегодня, когда он приехал пораньше, чтобы тщательно подготовиться к встрече, назначенной на одиннадцать. Вообще-то все было готово, но Иштвану хотелось еще раз просчитать отдельные моменты сделки, чтобы в случае опасности выйти сухим из воды. Он любил такие игры, любил кураж. Его изощренный ум просчитывал множество вариантов. И в процессе игры с легкостью можно легко перейти с одного сценария к другому, благо, они все вели к одной цели.

– Привет, – кивнул Иштван бедно одетому мужчине. И сразу стало понятно, кто вчера звонил из фонда Сороса.

– Надо поговорить!

«Денег тебе надо», – устало подумал Цагерт. Можно было послать, но настроение с утра было веселым и ерническим. «Может, и мне кто подаст, когда разорюсь», – насмешливо подумал он.

– Пошли в офис, – буркнул Иштван и вошел в здание. Давать деньги, стоя на крыльце, ему показалось неприличным.

Человек кивнул и шаркающей походкой заспешил следом.

– Это со мной, – бросил Цагерт, отметив про себя удивленный взгляд охранника. «Теперь пойдут пересуды», – раздраженно подумал он. Впрочем, плевать. Хотя если узнает Лиля, огорчится. А это неприятно. Расстраивать жену не хотелось.

Подошел лифт.

– Прошу, – сказал Иштван на правах хозяина.

– Нет, лучше ты первый.

Иштван хмыкнул и зашел в кабину лифта, старый знакомец за ним.

– А ты совсем не изменился, – обронил он, лишь бы что-то сказать.

– Ты тоже, – ухмыльнулся собеседник.

Лифт остановился на шестом этаже. И Цагерт привычно и бодро направился через холл в свой кабинет, отделанный в стиле модерн. Белые стены, светлый паркет, светлая, почти белая мебель с хромированными элементами. Дизайнер назвал проект «Обилие света». На стенах висели огромные черно-белые фотографии – виды города Гётеборга. Иштван кинул портфель на стол, полный бумаг, и плюхнулся в белое кресло, надев на лицо маску доброжелательности:

– Садись, слушаю тебя. Чем я могу помочь?

– Я долго тебя не задержу. Только... – Человек словно не услышал приглашения и остался стоять, он полез во внутренний карман пальто. Иштван наблюдал за ним с любопытством. Что ж он может оттуда достать? Посетитель вытащил из кармана пистолет с глушителем. И выстрелил. Один раз в грудь, второй – в голову. С контрольным вышла промашка. Пуля скользнула и вошла в череп под углом.

«Все равно не жилец!» – подумал посетитель, но еще раз стрелять не стал, спеша скрыться.

Смертельно раненого шефа обнаружила Ольга, секретарша. Сразу подняла тревогу и вызвала милицию. Иштван был еще жив, хотя с таким ранением ему в небесной канцелярии отпустили всего несколько минут. И до приезда милиции и врачей она сидела с ним и ревела в голос. Он очнулся, погладил ее по руке, принимая за жену, и, теряя силы, невнятно что-то произнес, предостерег. И когда приехала милиция, Ольга передала сотрудникам все слово в слово.

– А покойник-то был философ! – усмехнулся приехавший майор.

Но, тем не менее, занес их в протокол и не велел никому рассказывать в интересах следствия.

Ольга, вопреки милицейским наказам, собиралась все рассказать вдове. Но бледная и растерянная Лилия просто ее не замечала, относилась как к мебели. Ольгу это сильно задело, и обида взяла верх. «Не буду ничего говорить, обойдется!» – решила она.

Глава 2

Вечер оказался безнадежно испорчен. День рождения потенциального тестя, куда Ивана доставили в качестве трофея. Марина ни на шаг от него не отходила и всем представляла. Смотрите и завидуйте, какого мужика окрутила. Солидный, симпатичный, с деньгами и положением в обществе, не жлоб какой-нибудь. А, главное, хо-ло-стой! Они встречались два года и, как казалось девушке, дело уже двигалось к свадьбе.

Компания Марининых родственников Ивана интересовала мало. Вялые разговоры о политике и погоде, общих знакомых и курсе доллара. Не поймешь, то ли день рождения, то ли поминки. Умильные взгляды Ольги Николаевны, его дорогой мамы, раздражали.

Как и сам именинник, Сергей Владимирович, внезапно посмотревший на часы и с воплем: «Новости!» принявшийся щелкать пультом. По огромному экрану пробежали кони, и появился ведущий со скорбным лицом:

– Чрезвычайное происшествие произошло сегодня в центре столицы. В офисе на Ленинградском проспекте был застрелен известный бизнесмен, один из совладельцев российско-шведского предприятия «ТрейдТраст» Иштван Цагерт.

За столом мгновенно наступила тишина.

– О, господи! – прошептала Нина, Маринкина сестра, и кулем опустилась в кресло.

На голубом экране уже распинались какие-то милицейские чины, заверяя общественность, что возбуждено уголовное дело и вскоре обязательно найдут всех причастных к этому громкому преступлению. Круг заинтересованных лиц уже устанавливается.

«Я тоже заинтересованное лицо, – подумал Иван – кто бы знал, как я желал Цагерту смерти!»

Потом из ящика бойкий корреспондент надрывно вопрошал:

– Кто, кто мог убить такого святого человека, как Иштван Цагерт?!

«Я мог, – хотелось признаться Ивану. – Но не убил, не потому, что не додумался, просто тогда и я, и ваш «преподобный» Иштван были другими, и мир казался другим».

Потом мелькали какие-то лица, выражали скорбь известные политические и общественные деятели. Под их речи кто-то из гостей предложил помянуть Иштвана. Ведь он – их земляк, и каждый, даже незнакомый с ним лично, считал его своим.

И Иван считал Цагерта своим. Личным врагом, человеком, въехавшим в жизнь Вани Бессараба на скоростном бульдозере и враз сокрушившим все. Одни лишь обломки остались, что больно ранят до сих пор.

Поминать новопреставленного он не стал. Иван с удивлением воззрился на другой конец стола, где его мать лихо запрокинула рюмку, а после перекрестилась. Система Станиславского в действии. От созерцания собственной мамы его отвлекла Нина, бросившаяся к экрану:

– Мам, смотри, Лилька!

– Да нет, слишком молоденькая! – засомневалась женщина.

– Сказали, вдова, – настаивала на своем Нина.

– Может, другая жена? Лилька твоя уже, видать, в утиль списана, – подал голос Сергей Владимирович.

– Да нет, папа, они же не разводились. Марин, ну смотри, точно Лилька!

Изображение дали крупным планом, и несколько мгновений Иван смотрел, не отрываясь, на высокую женщину с короткой стрижкой, в тугих джинсах, белом свитере под горло и распахнутой норковой шубке чуть выше колена.

Она шла по длинному коридору, отмахиваясь от журналистов. Большие зеленые глаза припухли от слез.

«Наверно, ревела белугой. Поделом тебе», – злобно подумал Иван. И тут же сам отругал себя за это. У нее большое горе. Сколько лет они вместе прожили?

– Пятнадцать, – быстро ответила ему Нина. Оказалось, что последний вопрос он задал вслух.

– Точно знаешь? – Иван усмехнулся. Нина казалась ему ужасной сплетницей.

– Мы свадьбы играли в один день, где-то даже есть совместная фотография.

– Вы знакомы? – изумился Иван.

– Мы все учились в одном классе, жили в одном доме, а с Иштваном даже на одной лестничной клетке, – гордо отрапортовала Нина. Мол, знай наших!

«Что ж это за класс такой? И сколько человек в нем училось? Весь город что ли?» – подумал Иван.

– Они как-то скоропалительно с Лилькой поженились. Толком и не встречались, – продолжала Нина.

– Так разве бывает? – глупо спросил Иван. И сам себя отругал: «Тебе что за дело?»

– В данном случае, да. Иштван по ней всегда с ума сходил. Но Лилька к нему относилась по-товарищески. Никаких чувств. Просто друг детства. Она даже встречалась с кем-то...

– Ну, Нина, они и поженились быстро, потому что Лиля ждала ребенка, – встряла в разговор Эльвира Анатольевна, мать Марины и Нины.

– Мам, подумай сама, ты до того их вместе часто видела? Нас с Вадиком. – Нина собственнически положила пухлую ладонь на худосочное плечо мужа. – Сразу застукали и тебе сообщили.

– Да, Галина Васильевна – газета-копейка. Все дворовые новости знала. – Эльвира вздохнула, и Иван не понял, хорошо это или плохо.

– А я знаю, что этот Иштван сам из хулиганья и только с годами остепенился, – влезла в разговор его мамаша. Хотя могла бы и промолчать.

– Да что вы такое говорите! – возмутилась Маринкина тетка. Иван не запомнил ее имени-отчества. – Он учился у меня в школе! Одаренный мальчик. Из прекрасной семьи! Школу закончил с медалью! И потом изобрел что-то, и его пригласили в аспирантуру в шведском университете! Вы много людей знаете, в то время учившихся за границей?

– Нет, – проямлила Ольга Николаевна.

– И Лилю я хорошо помню. Уж она бы точно замуж за уголовника не пошла!

Маринкины родственницы опять припали к экрану. Там снова показывали вдову Иштвана Цагерта, идущую по тому же длинному коридору среди каких-то людей. Камера немного поменяла ракурс, коридор сменился просторным холлом, и теперь Лиля шла уже не одна, а обнявшись с девочкой или, скорее, с девушкой лет четырнадцати. Камера на доли секунды выхватила перепуганное, по-детски наивное лицо, обрамленное каштановыми кудряшками.

Ивану почудилось, что ему дали под дых, потребовалась вся сила воли, чтобы скрыть от окружающих бьющие через край эмоции.

– Ой, а это кто? Света? Какая большая! – всплеснула руками Эльвира. – И хорошенькая!

– Ага, словно кудряшка Сью! – поддакнула Марина.

– Что-то она не похожа ни на Лильку, ни на Иштвана, – заметила наблюдательная Нина.

– Ну да! У нее глаза, наверно, Лилькины, – согласилась Марина. – А Иштван, как и рядом не стоял.

Иштван Цагерт был высокого роста. Широкие плечи и тонкие пальцы, как у музыканта, нервное смуглое лицо, нос с горбинкой, черные глаза и черные как смоль волосы, подстриженные каре и зачесанные назад. «Они с Лилькой должны быть примерно одного роста», – мысленно отметил Иван.

– Конечно, не стоял, – медленно сказала бабушка Ксения, до этого мирно дремавшая на диване. – Света ему неродная дочь. Но теперь, когда Иштван умер, это уже не имеет никакого значения.

– Мама! Ты чего? Выпила много?! – Эльвира Анатольевна даже привстала от изумления.

– Старческий маразм, – усмехнулся Сергей Владимирович.

– Ничего не маразм, Сережа! Я еще, слава богу, все помню и не забываю ключи от квартиры в замочной скважине подобно некоторым умным академикам, – отрезала бабуся.

«Один ноль в пользу бабки!» – мысленно прокомментировал Иван. Маринкин отец вечно что-нибудь терял: то ключи, то важные документы. Потерянные зонты, зажигалки, авторучки просто не поддавались подсчету. Приходилось менять замки, искать по таксопаркам папки и портфели. За отчетные два года это стало прямой обязанностью Ивановой службы безопасности.

– Когда девочке исполнилось три года, – продолжала старуха, – они обратились ко мне.

Ксения Георгиевна Сердюкова была профессором, доктором медицинских наук и признанным светилом в области гематологии.

– Зачем вы едете к нам, ведь у вас в городе работает сама Сердюкова? – спрашивали московские врачи у приехавших на консультации.

– Диагноз оказался неутешительным. Почти полное отсутствие эритроцитов в крови. Я даже вызвала инфекциониста, чтобы отбросить подозрения на мононуклеоз. Настоящее наследственное белокровие. И Иштван, и Лилечка сильно переживали. Конечно, я поинтересовалась, но у них в роду никто не болел малокровием. Это же только наследственность! Я еще детьми знала обоих, их семьи. Для меня это было большим горем как для человека и еще большей загадкой как для врача.

– Мам, это еще ничего не доказывает. И потом, с таким диагнозом девочки уже б давно на свете не было.

– Ба, ты ошиблась! Мы никому не скажем! – Утонченная Марина улыбнулась и поцеловала старуху в лоб.

– Что меня, старую, целуешь?! – шутливо погрозила Ксения Георгиевна. – Ивана своего целуй! Тем более, что не ошиблась. Я сама говорю, когда ошибаюсь, и очень этому радуюсь. Лиля со Светой лежали у меня в отделении. И когда Иштван приходил, они с Лилей разговаривали недалеко от моего кабинета.

– За пальмой? – засмеялась Марина.

– За пальмой, – кивнула старуха.

Иван удивленно посмотрел на любовницу.

– Знаешь, в отделении около бабушкиного кабинета стояла огромная финиковая пальма в кадке, ее вырастили из косточки. И место в тупике, подальше от посторонних глаз, казалось таким глухим, таким укромным, что только там все по секрету и разговаривали, только не знали, что перегородка очень тонкая, и все слышно в кабинете, – пояснила она.

– Иштван пришел как-то днем, – продолжила старуха. – Долго выяснял, есть ли какие-то новейшие разработки в лечении, пусть не у нас, за рубежом. Тогда уже лечили такие болезни в Англии и в Швеции. Пересаживали костный мозг. Я все объяснила. А потом, через час, услышала, как плачет Лиля, а Иштван ее утешает. Мне бы выйти и сказать, что все слышно, но их разговор приобрел такой частный характер, что стало неудобно.

– Ну, бабушка! – Нина и Марина взвыли в один голос. – Что говорили?

– Лиля сказала, что нужно обратиться родственникам. И я сначала подумала, что за деньгами. А Иштван как зашипит на нее: «Не смей! Тебя что, мало с грязью мешали!» И так крепко выругался. Я опешила. Уж от него никак не ожидала. И добавил: «Я узнавал, его сестра умерла от такой же болячки». Потом как по стенке стукнет, у меня даже чашки в шкафу звякнули.

Этого, говорит, гада кастрировать надо! А он ходит, в любовь играет! Я, говорит, тебе, Лилечка, обещаю, что вылечим Светку, только больше про этого уроды не вспоминай.

Бабка сделала театральную паузу, наслаждаясь произведенным эффектом.

– А потом? – Марина нарушила установившееся молчание.

– Потом они уехали в Швецию. И Лиля звонила оттуда, поздравляла с какими-то праздниками, благодарила за правильный диагноз, сообщила, что девочку лечат и довольно успешно. Хорошо, что на ранней стадии болезнь выявили.

Иван закрыл глаза, не в силах больше сдерживать себя. «Господи, дай мне силы, прошу тебя, Господи!» – взмолился он. Его бабушка была очень набожной и часто повторяла ему и сестре:

– Если станет совсем плохо, молитесь, и Господь поможет!

На ум приходили обрывки какой-то сложной молитвы с прошением отженить козни дьявола. Больше ничего Иван вспомнить не мог.

– Ну, вы у меня, молодцы! Просто радушные хозяйки! Позвали людей в гости, а сами старые сплетни обсуждаете и телевизор смотрите! Человек от вашего теплого приема уже заснул! – Сергей Владимирович указал на Ивана, сидевшего с закрытыми глазами.

«Черт бы тебя побрал», – мысленно выругался Иван и сделал вид, что действительно дремал, и его разбудили. Система Станиславского доступна не только Ольге Николаевне. Кстати, о ней, любимой. Он внимательно посмотрел на мать, лицо которой пошло красными пятнами. Она поймала его взгляд, полный сыновней любви, и быстро отвела глаза.

– Мариночка, котик, принеси валидолчик, что-то сердце сдавило! – попросила жалостливо. Но просчиталась.

Эльвира Анатольевна тоже профессор и доктор медицинских наук, только кардиолог, скомандовала:

– Нинок, тащи аппарат! Сейчас вам, Ольга Николаевна, снимем кардиограммку! А потом решим, что принять из таблеток, или укол сделаем.

И не успела Нина принести чудо-технику, как Иван в два шага оказался рядом с матерью, взял болезную под локоток и повел к выходу.

– Иван, куда вы ее тянете? С сердцем шутить нельзя! – запричитала Эльвира.

– Машина скоро придет, – громогласно объявил он. – Я уже вызвал водителя.

– Ив, что случилось? Я еще не успела собраться! – возмутилась его любовница.

– Прости, сегодня поеду без тебя. Сейчас завезу мать домой, и надо еще заехать в офис подготовить бумаги на завтра.

– Какие бумаги? – опешила Марина. – Завтра же воскресенье...

– По работе! – отрезал Иван. Потом повернулся к ее родственникам, попрощался, поблагодарил, шаркнул ножкой, приложился к Маринкиной щеке, пахнущей «Кензо», и отбыл. На руке у него болталась разлюбезная Ольга Николаевна.

В машине она пыталась заговорить с ним.

– Закрой рот! – рявкнул он так, что охранник и водитель переглянулись.

Подъехав к отчему дому, большой красной девятиэтажке, он поднялся в квартиру вместе с матерью. Прямо в туфлях прошел по ее драгоценным коврам, снял со стены фотографию и отбыл, не сказав ни слова.

Всю следующую неделю Иван пил. И во время этого лютого пьянства почему-то вспоминались обшарпанный больничный коридор, девушка с длинными русыми волосами, закрученными в локоны. Она смотрела на него огромными зелеными глазами, полными слез, и шептала:

– Ванечка, я пока ничего тебе сказать не могу, это не моя тайна. Просто поверь мне. Я люблю тебя.

А он, заранее зная, что она врет, просто прогнал ее как шелудивую собаку. Не поверил ни одному слову, потому что вмешались желавшие ему добра люди, которых он знал всю жизнь.

Самые близкие родственники, пользующиеся его безотчетным доверием. И они доказали ему как дважды два, что верить-то ей нельзя, ни единому слову. Все ложь и обман. И теперь, через столько лет, он, Иван Бессараб, тридцати семи лет от роду, все-таки понял, что лишь она одна говорила правду. Или полуправду, но не врала, это точно. И он пил, чтобы заглушить эту боль, разговаривал с ней, просил прощения. А она стояла рядом, такая близкая и родная и только повторяла:

– Я люблю тебя, Ванечка, только верь мне...

Из запоя его выводил Стас. Друг и правая рука. Вероятно, ребята из охраны вызвали из отпуска. В Эмиратах отдыхал человек со всей семьей. Очень неудобно получилось. Конечно, все испугались. Такого никогда не было. Да и большой страсти к зелью Иван не питал. Приехал Стас и велел домработнице Бессараба варить какие-то странные бульончики. Пока они готовились, заставил выпить воды с нашатырем и сырое яйцо, смешанное с водкой. Потом больно тёр уши. И полегчало. Бульончики, кефир, строгая диета тоже сделали свое дело. Стас ничего не спрашивал. Обронил только, что ему звонила Ольга Николаевна, хотела уже психиатров вызывать. Насилу отговорил.

– Я подумал, зачем мне недееспособный начальник, и прилетел в тот же день, – как веселую шутку рассказывал он Ивану, отмахнувшись от всех извинений.

«А Ольга Николаевна у нас – дама не промах. – Иван почувствовал, как едкая горечь заполонила душу. – Все правильно. Если человек допился до чертей, у него белая горячка. Пожалте в психушку! И побудьте там, пока не начнете путать сон с явью и окончательно дадите уверить себя в том, что вам все приснилось. Привиделось в пьяном бреду».

Потом Ивана потащили в салон красоты, принадлежавший Юльке, жене Стаса. Горячие компрессы и массаж лица стали последним шагом в возвращении к прежней жизни. Он появился на работе слегка усталый, как бы еще не пришедший в себя после гриппа. И сразу вызвал к себе начальника службы безопасности. Дотошный характер заставлял доводить начатые дела до логического завершения, как бы это ни было противно окружающим и самому Ивану.

– Геннадий Викторович, мне нужны сведения о жизни и смерти Иштвана Цагерта и его семьи. Все, что сумеете раскопать: репортажи об убийстве и похоронах, фотографии, воспоминания знакомых, одноклассников и друзей детства. Меня без исключения интересует вся семья Цагерта. Он сам, его жена и дочь. И еще, где-то лет десять назад девочка лежала в нашей пятнадцатой больнице, в гематологическом отделении. Нужна история болезни в подлиннике. Я хочу знать всю подноготную этих людей, их секреты и тайны. Ограничения в средствах для вас нет. Потом представите полный отчет. Срок устанавливаю неделю. Если нужно привлечь дополнительных сотрудников, вызовите людей из отпусков.

Геннадий Викторович, бывший полковник милиции, умел разбираться в людях. Перемена, произошедшая с его шефом, сильно его озадачила. Он знал, что творилось с Иваном в течение двух недель, и также терялся в догадках о причинах. Бессараб всегда казался Терентьеву таким отличником, знающим ответы на все поставленные вопросы, который только ждет, когда додумаются его подчиненные. Иван старался быть строгим начальником и суперменом. Но его всегда выдавали добрые и печальные, как у собаки сенбернара, глаза, превратившиеся в одночасье в холодные и безжалостные зёнки.

Две недели назад Иван попрощался с ним около офиса, сел в «галендваген» и укатил с любовницей в гости. А наутро позвонили ребята из дома шефа, и начался ад с запоем и возвращением к жизни. И теперь Бессараб с осколком льда в сердце сидит за своим огромным столом из карельской березы и требует добыть любые сведения об Иштване Цагерте.

«Стоп», – оборвал сам себя Терентьев. Две недели назад объявили о смерти Цагерта. Неужели все дело в этом?

Глава 3

Иштван крепко затянулся сигаретой и зло посмотрел на Пахома.

– Ну что, Витя, вляпались? – спросил с издевкой.

– Ага, по самое не могу, – простодушно ответил Виктор, сплюнув сквозь зубы.

– Я предупреждал вас, я говорил! Чтоб не смели брать этого Бумеранга с собой! Он же идиот, по нему психушка плачет! Герт, я тебе говорил!

– Заткнись, Кораб, не причитай, – резко оборвал его Иштван. – Да, говорил! Если ты такой умный, придумай, как теперь нам обеспечить алиби.

Они стояли на балконе, курили и ругались вполголоса. Такие разные: Витя Пахомов, высокий, широкоплечий, державший в кулаке всю окрестную шпану, мажорный Сережка Корабельников, мальчик-с-пальчик, студент юрфака и надежда всей советской науки Иштван Цагерт, ростом под стать Пахомову, только с недюжинным интеллектом в глазах.

– Герт, все просто, скажем, что гуляли с бабами. Я шмар каких-нибудь уговорю! Годится? – непонятно с чего вдруг развеселился Пахом.

– Нет, – поморщился Иштван. – Твои девки сразу все расскажут, а если чего знать не будут, то приврут. Хотя я думаю, что бабы – неплохой вариант. – Но... – Он повернулся к Пахому и ухмыльнулся. В глазах у него веселились бесенята.

– Я думаю, пусть это будут не шмары, а какие-то комсомолки, спортсменки, активистки и просто красавицы! – хитро закончил он с интонацией Этуша.

– О чем разговор, Герт? Да за тебя любая подпишется! – ничего не поняв, заверил Пахом.

– Мне не нужна любая, Витя! – в сердцах сказал Иштван. – И...

Но договорить ему не удалось.

– Иштван! – позвал манерный женский голос.

– Я сейчас, вы пока думайте! – бросил он и зашел в квартиру.

Маман пребывала в бешенстве и от ярости теребила кухонное полотенце маленькими наманикюренными пальчиками.

– Что случилось? Ты чего такая злая? – удивился он. Вроде когда выходил, она спокойно возилась на кухне.

– Да, дружок, я злая! – вскрикнула маман истерично. – Ты совершенно не умеешь ценить вещи, все, что достается с таким трудом, ты просто уничтожаешь! Новая куртка из «Березки» вся грязная, я не знаю, возьмут ли ее в химчистку! А ведь это дорогая вещь!

– Мам, у меня друзья. Что ты мне нотации читаешь? – удрученно пробормотал Иштван. А что объяснять?! Не мог же поведать, что вчера они с Пахомом удирали от какого-то железнодорожника, застукавшем их, когда уже были аккуратно сняты пломбы на товарном вагоне и открыты замки. И Бумеранг отстал, крикнув: «Я задержу!». Ага! Мужика нашли мертвым на путях среди бела дня. И сегодня к Пахому прибежал невменяемый от страха Бумеранг и заявил, что сдаст всех, если ему не помогут. Витя сначала попытался объяснить, что за групповое преступление срок увеличивается. Потом разозлился и, врезав Бумерангу в ухо для лучшего понимания, пригрозил:

– Только пикни!

И с извечным вопросом «что делать?» примчался к Иштвану.

– Мы не при делах! Нас там вообще не было, – решил Цагерт. А про себя добавил: «Хорошо, что мы с Пахомом надели перчатки, улики никаких!» И теперь надо срочно придумать алиби, пока не пришли работники внутренних органов и не спросили с пристрастием.

– Хочешь уйти от ответа! – не унималась мать. – Но я и так все знаю! Ты ездил на дачу! И испачкал там куртку!

– Какую дачу? – изумился Иштван, с трудом понимая, о чем речь.

– На нашу! Какую еще? Не отнекивайся! – закричала мать, и ее лицо покрылось красными пятнами. – Софья Григорьевна видела вас с Лилей вчера! Она мне позвонила и все рассказала!

– Иштван. – Она перевела дух и продолжала уже более спокойным тоном: – Лиля – не та девушка, с которой можно просто развлечься. На таких женятся. А тебе еще рано! И не хватало мне претензий от ее родителей!

– Мам, – осторожно осведомился Иштван, все еще не веря в свалившуюся удачу. – Софья Григорьевна точно нас видела?

– Конечно, она очень хорошо рассмотрела девушку и мне ее описала. Это же Лиля Агапова, верно? И тебя заметила, в новой куртке. Вы сидели на качелях под грушей и целовались, а потом пошли в дом. Она, дружок, в этом уверена. А вот почему врешь ты?

– Не хотел компрометировать девушку! – довольно рассмеявшись, «признался» Иштван. Гусар и джентльмен.

– С огнем играешь, сынок, – поостыла немного мать и с опаской заметила. – А вдруг придется на ней жениться?

– Мам, я хоть завтра! Если б Лилька согласилась!

– Она еще и не согласна! – возмутилась маман, сразу обидевшись за него.

– Я еще не предлагал, – усмехнулся Иштван. – Я люблю тебя, мам!

Он быстро чмокнул ее в щеку, обняв на ходу, и выскочил на балкон. Его друзья, молча, курили и смотрели с высоты пятого этажа на двор, усаженный тополями, на лавочки, засиженные местными сплетницами, на детей, копошащихся в песке или съезжающих с горки. При определенных обстоятельствах это могло бы стать воспоминанием, лет так на пять.

– Есть идея, – бросил Иштван. – Айда во двор!

– Зачем? – не унимался Кораб, пытаясь понять, что он задумал.

– Надо повидать кое-кого. Если дело выгорит, нам обеспечат самое лучшее алиби на этой планете. А лучше пройдемся до остановки, – уточнил Цагерт.

Ни Пахом, ни Кораб не стали возражать ему. Так уж повелось с детства, что Иштван у них верховодил. Неформальный лидер, как сказали бы сейчас.

К дому из центра ходил только один автобус, что всегда раздражало. Но сегодня Иштван радовался этому. Главное, не пропустить Лильку. Она вышла из автобуса с букетиком осенних цветов. И Иштван почувствовал, как его накрывает гнев. Он злился уже две недели. С тех пор как увидел ее в парке с каким-то парнем. Они шли в обнимку, смеялись и целовались, никого не замечая вокруг. Значит, роман, да? Любовь? И с кем? С обычным серым и невзрачным придурком. А самому Иштвану отведена роль всего лишь друга. И то пока. Он предлагал ей встречаться с класса восьмого, что ли? Она отказалась, сославшись на то, что у нее нет свободного времени на мальчиков. Еще через пару лет объяснился в любви. А она призналась, что не воспринимает его, как мужчину, а только как друга. Ведь знает его с детства. Сначала он обиделся – она нанесла по его самолюбию сильный удар. Он, Иштван Цагерт – красив и умен, всегда при деньгах и душа компании, – вдруг оказался отвергнутым. Но потом, хорошенько поразмыслив, решил, хорошо, пусть друг. Пока...

Лиля подошла, улыбаясь.

– Кого-то ждешь, Иштван?

Он стоял в одиночестве. Витка с Сережкой очень внимательно рассматривали ежемесячные абонементные талоны в сиротливо стоявшем ларьке.

– Тебя, есть дело.

– Ой, я забыла отдать ключи от дачи. Извини. Пойдем, заберешь!

– Пойдем. Но ключи пусть пока побудут у тебя, – процедил Иштван и подумал, что так даже лучше. – Но я ждал не поэтому.

– А зачем?

– Нужно поговорить.

– Что-то случилось?

– Да, у меня большие неприятности, – нехотя пробормотал он. – И помочь можешь только ты.

Деревянная беседка, давно покрашенная в синий и красный цвета, была их штаб-квартирой в детстве. Здесь придумывали, во что играть, спорили, перебивали друг другом. Но решающее слово всегда оставалось за Иштваном.

– Я сегодня не хочу в лова, давайте в казаки-разбойники, – говорил он, ничего не объясняя.

И все как-то сразу соглашались. Лиля этого терпеть не могла. И спорила с ним. И только к ее мнению он прислушивался. И ей всегда казалось, что это потому, что у нее сильный характер, и она может переубедить даже Иштвана Цагерта. Повзрослев, в той беседке пели под гитару. И каждый солист изображал из себя Высоцкого.

Иштван подал ей руку, помог сесть на перила.

– Меня подставили. И довольно сильно, – поделился он, сев рядом. – Я прошу тебя помочь, иначе окажусь в тюрьме, а потом на зоне.

– Что ты наделал? – испугалась Лиля, настороженно вглядываясь в лицо собеседника. Иштван спокойно смотрел на нее, лишь глаза выдавали сильное беспокойство, хотя он изо всех сил старался скрыть это.

– Ничего! Я никого не убил, не ограбил. – он, поморщившись, провел ладонью по затылку.

И это была правда. Убивать, конечно, никого не убивал. А ограбить – просто не успел. И ни он, ни Пахом не считали это воровством. Так, приключение, авантюра! Где-то с год назад Иштван придумал, как открывать замки на товарных вагонах. И сначала они просто баловались, оставляя вагоны открытыми. А потом поняли, что, взяв из вагона немножко того, немножко другого, и уже можно не выкраивать гроши на пиво и сигареты. Большим спросом пользовались радиодетали, продажа которых стала основным источником дохода, открывшим двери в бары и рестораны, сделавшим доступными немало красивых женщин. Приключения, дававшие остроту всей размеренной жизни, действовали на Иштвана и Витьку, как наркотик. Со временем нашлись желающие промышлять на товарной станции за долю малую, и отпала необходимость самим вскрывать вагоны. Но временами, когда хотелось почувствовать кайф от адреналина в крови, Герт с Пахомом сами выходили в «поле». Особенно в те дни, когда приходил дорогой товар.

– Что же тогда? – разволновалась Лиля.

– Знаешь Бумеранга? – невесело ухмыльнулся Иштван.

– Вову Нестерова, которого посылаешь подальше, а он всегда возвращается?! – откликнулась она. – Этого придурка все знают!

– Он вчера убил человека. Его ищут, – стараясь сохранять хладнокровие, отрезал Иштван. – И есть информация, что Бумеранг может подставить нас. Кто-то кому-то натрепался, и понеслись слухи. – Иштван усмехнулся невесело. – Сережка узнал, отделение, куда его стажером взяли, это дело ведет. Нас с Витькой уже включили в список подозреваемых.

– А как же свидетели? – наивно удивилась Лиля. Иштван смотрел на нее, и внутри поднималось необъятное отвращение к себе. Просто так втемную использовать доброго и чистого человека – редкая подлость. Но что делать? Нужно выбираться из этой передраги.

– Эти люди, Лилечка, подтвердят все, что им скажут менты. И мы с Пахомом поедем куда-нибудь лес валить. Никто не станет искать тех парней, что действительно были с Бумерангом.

– Где находились вы?! У вас должно быть алиби! – строго осведомилась Лиля и внимательно посмотрела на Иштвана.

– Вот в том-то и дело! Пахом, дурень, с Ларкой разругался. Мы пили вчера у него весь день. Две бутылки водки! У него алиби – это я. А у меня, соответственно, он. Я домой не

помню, как дошел, куртку всю в грязи измазал. Мать сегодня орала, знаешь, как? – усмехнулся Иштван, сиюсь скрыть тревогу. Сильно давить на Лилию не хотелось, но и выпускать из рук такую возможность оправдаться тоже.

– И ты хочешь, чтобы я обеспечила вам алиби? Так?

– Да, но тебе не придется ничего врать. Ты же ездила вчера к нам на дачу. А представь, что не со своим мальчиком, а со мной, с Пахомом, с Леной, Корабом. В общем, целой толпой. Как раньше.

– А если Иван узнает и сообщит, что на даче находились только мы вдвоем? – растерялась Лилия. В огромных зеленых глазах колыхалась тревога.

– Лилечка, ну откуда он узнает? – ласково заметил Иштван и даже всплеснул руками. – Сама подумай! Это же не открытый судебный процесс, а следствие. И его по телеку не транслируют. Показания записали, выводы сделали и все забыли. А еще имеется свидетельница. Софья Григорьевна, наша соседка по даче. Она запомнила тебя. А так как ей и в голову не пришло, что я дал тебе ключи для романтического свидания, то убеждена, что видела нас вместе. Она мельком заметила твоего... парня и решила, что это я. Мы что, так похожи, Лилечка? – участливо поинтересовался он, стараясь говорить спокойно. Только правый кулак с побелевшими костяшками мог выдать подавляемую ярость. Но кажется, Лилия ничего не заметила.

– Нет, просто у вас одинаковые куртки, – нехотя пробубнила она.

– Так ты поможешь? – осторожно уточнил Иштван.

– Придется, – обреченно согласилась Лилия. – Хотя мне это не нравится! Просто не хочу, чтобы ты очутился в тюрьме.

– Спасибо, я в долгу не останусь! – растрогался Иштван и легонько коснулся ладонью ее щеки. Теплые пальцы невесомо пробежались по холодной коже. От неожиданности Лилия вздрогнула, и от Иштвана не укрылось, что она неосознанно отреагировала на примитивную ласку. Он не подал виду и деловито добавил: – Я позову ребят, надо обсудить детали.

Бумеранга арестовали сразу после ноябрьских праздников. И он начал петь соловьем: с кем и почему находился на станции.

Сначала на допрос вызвали Пахома. А через пару дней пришел черед Иштвана. Следователь Игорь Петрович Мищеренко не считался ни дураком, ни пьяницей, ни неудачником. Небольшого роста коренастый мужик с простым крестьянским лицом.

«Как топором вырублено», – подумал Иштван. Он сразу догадался, что ухо нужно держать востро. Вроде по-простому, по-свойски говорил Игорь Петрович, рассуждал о жизни, а потом нет-нет да вопросик подкинет, а от этого вопросика, безобидного вроде, дальше ниточка тянется. А потом уже и вопросы не такие безобидные, и выводы с прицелом. Поэтому Иштван заранее постарался воссоздать всю картину того дня и даже написал сценарий. Где встретились, как ехали, что делали на даче? Он, казалось, продумал все детали и заставил каждого выучить свою роль.

На допросах все – и подозреваемые, и свидетели – бойко и слаженно поведали, как они здорово отдыхали за городом именно пятнадцатого сентября.

Для проверки показаний Мищеренко отправил оперативника в дачный поселок. И соседка по даче подтвердила, что видела Иштвана с девушкой. Другие молодые люди ей на глаза не попадались, но незнакомые голоса с соседней дачи в тот день доносились. И точно молодежь приезжала пятнадцатого сентября, потому что в этот день Софья Григорьевна получила в сберкассе пенсию и рано утром ездила в город.

– Смотрите, молодой человек! – Она протянула ему сберкнижку. Там на голубом фоне синими чернилами стояла именно та дата.

– Может, дело было в октябре? – с надеждой спросил оперативник.

– Молодой человек, я еще не так стара, чтобы перепутать сентябрь с октябрём! – с вызовом отчеканила она. – Два месяца дача стоит пустая, вообще никто не приезжал!

Софье Григорьевне Петровской исполнилось шестьдесят восемь лет, и тридцать из них она проработала в отделе кадров большого завода, была бойцом старой школы. И ошибиться не могла. Игорь Петрович обожал таких свидетелей. Поэтому не считал за труд и сам съездил, поговорил со старухой. За городом дышалось легко. Он шагал через поле, по которому уже прошли комбайном, и остатки колосьев почему-то напоминали ему щетину. Природу он не любил и пейзажами не любовался. Всю дорогу от Города он думал об этом деле, сперва показавшемся ему простым. Теперь же создавалось ощущение хорошей постановки. И он предполагал, кто этот талантливый режиссер и одновременно автор сценария. Софья Григорьевна встретила его у ворот в дачный поселок.

– Я заметила вас, когда вы шли по тропинке, – сказала она. Она оказалась женщиной крепкой, с бюстом, наверное, седьмого размера. Спортивные штаны со вздувшимися коленями и спортивная куртка с драным воротником придавали ей экзотический вид. Довершала облик затейливая хала, лихо закрученная на затылке. Старуха сурово оглядела Мищеренко, и он почувствовал себя неуютно, словно стали видны насквозь все его тайны и недостатки. Он по роду своей профессии иногда встречал подобных людей. Попытки подкупить их оборачивались для подкупавших необратимыми последствиями. Они были принципиальны до отвращения. И правда всегда торжествовала в их понимании. Даже если это вредило самым близким для них людям. Формально все показания совпадали, зацепок, пусть даже маленьких, не наблюдалось. Хотя нет, нашлась одна. Все участники «пикника» утверждали, что уехали вместе. А разведчица Петровская показала, что Иштван и Лиля уехали позже. И шли по дорожке к станции в сумерках одни и целовались. И эта самая дорожка пролегает через поле и хорошо просматривается из мансарды бдительной Софьи Григорьевны.

Он устал, и ему хотелось добраться домой и завалиться спать. А вечером позвонила теща и долго пеняла, что он давно у них не появляется, последний раз виделись в сентябре на Таниных поминках.

Подумать только, три года прошло, как умерла жена! Отмучилась. А все кажется, что недавно. Игорь Петрович никогда не считал себя однолюбом, но так и не нашел подходящую женщину. Да и не искал вовсе, с головой уйдя в работу. Он изредка навещал родственников жены, чтобы вспомнить Таню, поговорить о ней. Другие разговоры давно стали ему не интересны. И жизнь его продолжала крутиться вокруг Тани. То оградку нужно поставить, то памятник, то просто свежих цветов принести на могилку.

Теща посетовала, что до нового года нужно съездить на кладбище и завернуть в целлофан памятник. Так и не закрыли, а то, не дай бог, лопнет!

– Я заеду, укрою, – пообещал Игорь, но теща заявила, что он сам не справится и она должна проконтролировать. Любой разговор тут же сводился к истерике. Мищеренко согласился, дабы поскорее прекратить беседу. Но на следующее утро вспомнил о вчерашних нотациях и разозлился. Ей что, нечего делать? У нее есть свой собственный сын, вот пусть его и учит жить. В последние годы жизни Тани, он терпел все эти нравоучения из-за жены, не хотел ее волновать. А теперь можно послать свою «вторую маму» куда угодно и навсегда избавиться от этой мегеры.

Поэтому, когда пришел Цагерт, он все еще мысленно ругался с тещей.

– С вас сняты все подозрения, – сухо заметил Мещеренко. – У меня только один вопрос. Вы и Агапова когда уехали?

«Горячо, ох, как горячо, – промелькнуло в голове у Иштвана. – Соседка могла видеть только двоих. Как же я забыл об этом!»

– Мы уехали позже, – нехотя проронил Цагерт. – Но попросили друзей об этом не распространяться. У Лилечки такая вредная мамаша.

Мещеренко закивал понимающе.

– А что вы делали одни на даче?

– Игорь Петрович! Ну что могут делать двое молодых людей, оставшись в пустом доме! – изумился Иштван Цагерт.

Он сказал так просто и искренне, что следователь еще и отругал себя за излишнюю подозрительность.

– Давай подпишу повестку! – велел Мищеренко. – Девочка хорошая, ты женись на ней, Цагерт!

– Де факто мы давно вместе, а де юре – пока не планируем. Родители говорят, еще рано, – бодро сообщил Иштван, входя в роль. А про себя подумал, слышала б это Лиля, не сносить ему головы.

– Все, иди-иди, Лиле своей привет передавай, – добродушно отмахнулся Игорь Петрович.

Иштван Цагерт ему категорически не нравился. Но его девушка казалась очень хорошей. Как это Жеглов учил Шарапова: «К девочке присмотрись, девочка правильная!» И если правильная девочка Лилия Агапова любит этого щенка Цагерта, то, возможно, и он не так уж плох.

А в субботу зарядил дождь со снегом. Сразу же образовались лужи, похожие на великие американские озера, грязь и слякоть. Поэтому на кладбище Игорь Петрович не поехал. Теща позвонила сама и предложила медовым голосом:

– Игоречек, приезжай к нам обедать. Ты давно нас не навещал. Посидим по-семейному. Я голубцы приготовила, как ты любишь.

Отказываться не полагалось. Он залез в сервант, достал бутылку коньяка, припасенного на всякий случай, оделся в костюм и повязал галстук.

В тесной прихожей теща, пристроив мокрый зонт на полу, с заговорщицким видом пыталась знаками что-то сообщить. Потом дотянулась до уха и, обдав ненавистной «Красной Москвой», зашептала:

– Ваня пригласил на обед невесту. Сейчас посмотришь. У них все очень серьезно. Во вторник собираются подавать заявление в загс.

– Вам нравится, Ольга Николаевна? – осведомился Мищеренко. А про себя подумал – если не понравилась бы, ноги ее тут бы не было.

– Сойдет. – Легкая гримаса недовольства прошла по холеному лицу. – Пойдем познакомимся и свое мнение скажешь как профессионал.

«Только этого мне и не хватало», – устало подумал Мищеренко. Но отпираться не стал. Бесплезно.

У двери в комнату сына она, слегка притормозив, деликатно постучала и сразу же зашла. Молодые люди, разжав объятия, отпрянули друг от друга.

– Ванечка, Игорь приехал, – елеиным голосом пропела теща. – Представь, пожалуйста, свою невесту.

Иван, напоминавший Мищеренко большого теленка, подскочил и пожал ему руку.

Потом пробасил солидно:

– Знакомься, Игорь, это Лилия – моя будущая жена.

И показал рукой на диван, где сидела бледная и перепуганная Лилия Агапова.

Глава 4

– А мы знакомы. Да, Лилия Михайловна? – жестко заявил Мищеренко. Он был человеком в погонах, ничего не понимал в сантиментах и не любил их разводить.

– Правда? – изумилась лилейным голоском Ольга Николаевна. – И где же вы познакомились?

– Пару месяцев назад на товарной станции произошло убийство, зарезали машиниста, ножом пырнули среди бела дня. И поэтому делу в круг подозреваемых попало несколько человек...

– Ну, я надеюсь, не Лиля! – возмущенно перебила Ольга Николаевна. Ей казалось ужасным, что Игорь посмел заикнуться о своей работе.

– Нет, не Лилия Михайловна, – не обращая никакого внимания на тон тещи, продолжил Мищеренко, облокотившись о стену, которую сам когда-то обклеивал немецкими обоями. Ситуация начинала его забавлять. – Ее лучшие друзья, с которыми она развлекалась за городом в день убийства.

– Правда, Лилия Михайловна? – вежливо уточнил он.

– Да, – прошептала Лиля, готовая провалиться сквозь землю.

– А потом все уехали, – торжественно продолжил Мищеренко, почувствовав вкус загоноемой дичи. – А двое остались. Те двое, что де факто давно уже муж и жена, а вот де юре пока не планируют. Вы понимаете к чему я клоню, Лилия Михайловна?

Лиля молчала, глаза предательски наполнялись слезами.

Она вспомнила, как Иштван сокрушался после последнего допроса, ругал себя, что не все продумал до конца и тут же хвалился, что удалось выкрутиться.

– Штирлиц еще никогда не был так близок к провалу, – смеялся он. – Старуха видела целующуюся пару, которая брела к остановке. – Пришлось придумывать по ходу пьесы!

Встретив Мищеренко в доме у Ивана, Лиля растерялась, толком не понимая, что предпринять. Если сейчас она скажет «нет», то подставит Иштвана, и придется отвечать за ложные показания. А если «да», то неизвестно, как к этому отнесутся будущий муж и его мама. Лиля молчала. А потом решила сбежать.

– Ванечка, я пойду, проводи меня, – попросила она Ивана и двинулась к выходу. Но тот ничего не ответил, немало обалдев от этой сцены, и даже не двинулся с места.

Зато Ольга Николаевна загородила дорогу и резко сказала:

– Нет, моя дорогая. Никуда вы не пойдете, пока не объяснитесь с нами!

– Присаживайтесь, Лилия Михайловна! Долго мы вас не задержим, – добродушно бросил Мищеренко. Лиле пришлось вернуться на диван.

– Я не понимаю, чего ты к ней привязался, – пробурчал Ваня. – Ну, ездила Лиля за город с друзьями. Это что, противозаконно?!

– Заткнись, придурок! – цыкнула на него мать. Иван насупился и замолчал. Послушный мальчик.

– Я тебе, Ваня, сейчас все объясню, – вкрадчиво начал Мищеренко. – Эта дама – не та, за кого себя выдает. В институте она примерная студентка и неприступная красавица, а дружит со всяким отребьем, режущим людей среди бела дня. С ворьем всяким!

– Я не дружу с отребьем и ворьем! – в сердцах воскликнула Лиля.

– Да ну? – усмехнулся Мищеренко. – А как же Пахомов и Цагерт, с которыми вы за городом развлекались? Или Елена Птицына по прозвищу «Пташка»? Тоже ваша подруга? Ее пару раз задерживали за проституцию.

– Я не дружу с ней!

– Как же? Как же, Лилия Михайловна? – театрально воздел руки к небу Мищеренко. Он чувствовал, что это его бенефис, благо, самый главный зритель находился рядом и готовился аплодировать. – Вы же вместе на дачке-то развлекались! Было дело? Или нет? – Мищеренко быстро наклонился к девушке. Слишком близко. Она даже увидела мелкие оспинки на щеке. И глаза. Безжалостные и хитрые.

Лилия молча кивнула, понимая, что ее загоняют в ловушку.

– И ваш близкий друг – Иштван Цагерт. Вы на допросах оба подтвердили!

– Друг, ну и что? Я не понимаю, какое это имеет отношение ко мне и Ивану. – Лилия взяла себя в руки и ринулась в бой. Ей казалось, еще не все потеряно. Она не видела презрительной гримасы Ольги Николаевны, растерянного лица Ивана. Она видела только Игоря Петровича Мищеренко и сражалась с ним.

– И в чем же заключается ваша дружба? – умело расставлял силки Мищеренко. – Вы вместе чем занимаетесь?

– Обсуждаем фильмы и книги, поем под гитару, играем в «кродила», вспоминаем что-нибудь.

Мищеренко довольно расхохотался и даже хлопнул себя по толстым ляжкам.

– Репутация Цагерта и Пахомова такова, моя дорогая, что никто не поверит, что они так прилежно проводят время, – отсмеявшись, снова начал бубнить следователь. – У них другие развлечения. Цагерта, например, все прост... путаны у «Интуриста» уважают. И насколько я знаю, его не занимают песни под гитару или пересказ книжек. У него совсем другие интересы! И если вы говорите, что «дружите» с ним, то любому ясно, какого сорта эта дружба. – Мищеренко старательно подбирал слова, дабы не разгневать каким-либо случайным просторечием свою интеллигентную тещу, отягощенную принципами высокой морали.

Лилия вспыхнула и выскочила из комнаты. Больше ее никто не задерживал.

В подъезде она остановилась и зарыдала, не в силах больше сдерживаться. Ей стало обидно, что Иван ничего не сказал во время этого странного допроса, никак не заступился за нее, не оборвал зарвавшегося родственника, не бросился вслед. По большому счету, он ее предал. Она вышла из подъезда, захлебываясь слезами, и побрела по Большому проспекту, не обращая внимания на прохожих.

– Пойдем покурим, – скомандовал Мищеренко. – Нужно хоть свежего воздуха глотнуть после всей этой грязи.

– Пошли, – обреченно ответил Иван. И поплелся за зятем. Первой, кого он увидел, выйдя на балкон, оказалась Лилия, которая брела, натываясь на людей. Потом она стала переходить дорогу и остановилась посередине, задумавшись.

– Зря ты так. Сказал бы мне потом, сами б разобрались! – попытался слабо возразить Иван. Он хотел было кинуться следом за девушкой, но побоялся поссориться с Игорем. Потом разберемся без свидетелей.

– Пацан, ты жизни не знаешь, такие окрутят глазом, моргнуть не успеешь. – Игорь сильно затянулся сигаретой.

– Она ждет ребенка, – привел Ваня весомый аргумент.

– От тебя что ли?

– Да.

– Это она так сказала? – криво ухмыльнулся Мищеренко.

– Да.

– Какой срок?

– Два месяца.

– А это точно твой ребенок? Сам подумай! У меня есть свидетель, что в середине сентября она ночевала на даче у этого типа. И они там не гладью вышивали. Соседи говорят, там такая любовь, что всех святых выноси. Они вообще никого не замечают, кролики влюбленные.

А если он не хочет жениться, у него другие планы! А тут подворачиваешься ты. Вот и повод скрыть позор, выйти замуж и жить прилично. И по срокам все получается. Проверь по календарю.

– Мы с ней ездили на какую-то дачу...

– Когда и куда? – спросил следователь, а не родственник.

– В Рамарском, в двадцатых числах сентября. – Иван пожал плечами, изображая полное равнодушие. Он умышленно соврал, опасаясь, что зять на него обидится. Они с Лилей были на даче у ее подружки пятнадцатого сентября. В годовщину смерти Тани.

– Поздравляю! Ты посетил дачу Иштвана Цагерта. Там еще такой дом с флюгером на крыше...

– Что ты говоришь?! Лилия... – осекся Иван. Она сказала ему, что это дача подружки, и он сразу понял, что там она бывала не один раз, свободно доставала из шкафов скатерть и тарелки, а потом и простыни.

– Посмотри лучше вниз.

Там внизу, на Большом проспекте, около Лили, все еще стоявшей посередине дороги, затормозила вишневая «семерка», из нее выскочил большой крепкий парень в черной кожаной куртке. Светлые волосы сразу же намокли от дождя и паклей свешивались на лоб. Он, отбросив их назад, кинулся к девушке.

– Это Пахом, – радостно указал Ивану Мищеренко.

Она уткнулась ему в плечо, продолжая рыдать. Они стояли на двойной сплошной. Затормозили несколько машин. На тротуаре стали собираться прохожие. Иван видел, как Пахом что-то крикнул в машину. И тотчас же выскочил маленький приземистый парень из породы «шестерок». Открыл заднюю дверцу, помог усадить девушку.

– Теперь убедился?! – торжествующе осведомился Мищеренко у расстроенного Ивана.

– В чем? – тупо глядя на него, буркнул Иван.

– В том! – разозлился Игорь Петрович. И принялся объяснять, как маленькому: – Виктор Пахомов не так уж добр, чтобы подбирать на дороге рыдающих одноклассниц. А вот женщину своего лучшего друга он, конечно, в беде не бросит. А может, еще и сам с нею...

– Что ты говоришь, Игорь? С ума сошел?!

– Это ты, дурак, жизни не знаешь. Иногда такие случаи бывают, что даже подумать мерзко, не то что б представить!

Иван уставился на него ошалелыми глазами.

– Благодарю бога и меня за одно, что вовремя все узнал, – гордо сказал Мещеренко и снисходительно глянул на Ивана. – Ну, пошли обедать, а то теща обижаться будет.

Они подъехали к незнакомому дому. Но Лилия, обессилев от слез, мало что сообщала. Витя, бережно поддерживая ее за плечи, будто она больная, повел в подъезд. В доме сталинской постройки наверх вела широкая лестница с большими пролетами, и этот путь показался Лиле вечностью. Маленький верткий парень поднялся быстрее и уже звонил в незнакомую квартиру. Куда они ее привезли? Лилия недоуменно уставилась на Пахомова не в силах что-либо сказать.

– Не бойся, – успокоил тот. – Заходи, будь как дома.

В глубине просторной и светлой квартиры слышались веселые голоса, пахло жареной картошкой. Рядом в комнате работал телевизор, рассказывая про будни хлеборобов. Пахом заглянул туда и позвал:

– Герг, поди сюда.

И тотчас же в коридор вышел Иштван. Лилия в ярости подскочила к нему, стала бить кулаками по плечам и кричать.

Он, ни слова не говоря, затащил ее в комнату, взглядом велел выйти полуголою девице, сидевшей на диване. Лилия лупила его, а он не сопротивлялся.

– Что ты такое наговорил Мищеренко? – кричала она. – Зачем ты это сделал?

Потом она выдохлась, и он усадил ее на диван, принес воды.

– Теперь рассказывай, что случилось? – поинтересовался спокойно.

Он слушал внимательно, лишь иногда хмурился. Не перебивал и не укорял.

– Я глупый идиот, я виноват перед тобой, Лиля! – Иштван в сердцах стукнул кулаком по спинке дивана. – Но кто ж знал, что они родственники! А в чем, собственно, проблема? Пройдет время, и твой Ваня одумается и вернется к тебе, если любит. А если нет, то и на фиг нужен. Нас что, застукали в одной постели? Это же одни слова, пустые обвинения! Потерпи немного, если любит – вернется!

Но, он, казалось, не понимал всей сложности ситуации. А она не могла ему все объяснить.

– Ты ничего не понимаешь, он *теперь* не женится на мне! – выкрикнула Лиля.

– Ничего, потом женится обязательно, – ласково сказал Иштван и погладил ее по голове, как маленькую.

– Потом будет потом. А сейчас – то он не женится! – упрямо сказала Лиля.

– Я не понимаю, тебе что, обязательно *сейчас* выйти за него замуж? – сильно удивился Иштван.

В комнату заглянула Лена.

– Герт, все готово, идите за стол!

– Пошли обедать, – как-то обреченно бросил Иштван и, взяв Лилу за руку, повел на кухню.

На столе в огромной сковороде дымилась жареная картошка, поверх которой лежали куски мяса, а в салатнике – винегрет. В старые рюмки из простого стекла Пахом уже наливал водку.

Иштван сел во главе стола, усадив Лилу по правую руку.

– Мне нельзя, – автоматически сказала она, закрыла свою рюмку рукой.

Иштван посмотрел на нее внимательно, пораженный догадкой.

– Ты что, беременна?! – прошипел он.

– Да, черт возьми! – окрысилась она. На глаза снова навернулись слезы.

– Вот козел, – злобно пробормотал Иштван. – Ладно, ешь, потом разберемся!

– Позвони ему, договорись о встрече! Объясни все! К черту алиби! Лучше я сяду, чем поломаю тебе жизнь! – орал он, когда они остались одни в квартире. Все очень быстро разбрелись по своим делам.

– И потом, это все слова, не может же он просто так от тебя отступить! Мало ли кто чего наговорит!

Она позвонила и попросила Ивана к телефону. Но Ольга Николаевна вежливо отказала, посоветовав больше их не беспокоить. Никогда.

– Давай я, – вызвался Иштван. – Она не догадается. Ты придумала, где назначишь встречу?

– Да.

– Где?

– В пятнашке. Завтра, в четыре часа. Я пойду к Зине, она ногу сломала.

– Знаю, – отмахнулся Иштван. Зину Кондратьеву, самую близкую Лилькину подружку, он терпеть не мог. Впрочем, Зина платила ему той же монетой. – Хорошо, а я навещу Костика. И не возражай, мне так спокойней. – Он вздохнул тяжело и добавил: – Может отвезти тебя домой? А лучше, оставайся здесь. Чего тебе одной в пустой квартире делать?

Он все знал про ее семью. Именно сегодня родители с младшей сестрой Линой уехали к тетке с ночевкой, и собирались вернуться только завтра днем.

– А что это вообще за квартира? – огляделась по сторонам Лиля.

– Дедова, – пожал плечами Иштван. – Наша блат-хата Ты можешь остаться, здесь тебя никто не побеспокоит.

– Я боюсь ночевать одна в чужом доме, – прошептала Лиля.

– Я побуду с тобой. В соседней комнате.

– А твоя мама не будет волноваться?

– Нет, я часто здесь ночую, – спокойно, как о само собой разумеющемся, сказал Иштван. – Давай лучше киношку какую-нибудь поставлю. Здесь видак есть.

Чудо западной техники показывало какой-то фильм о японском самурае, который всех убивал, а для остроты ситуации носил за плечами ребенка как вещмешок. Все герои в фильме говорили гнусавым мужским голосом. Фильм не понравился: много крови и никакого смысла. И Лилька, уставившись на экран, словно и не видела ничего, обреченно думая об Иване. Понимая, что, скорее всего, потеряла его. Иштван прав, не может же Иван просто так ее бросить, не поговорив, ничего не выяснив! Что же мне теперь делать? Может с моста кинуться?

– С ума сошла? – Иштван уставился на нее во все глаза. – Я тебе этого не позволю.

– Я что, говорила вслух?

– Иди-ка лучше прими душ, а я постелю тебе, – приказал он. И добавил помягче: – Завтра предстоит трудный день.

Пока она мылась, Иштван думал. Хорошо, хоть хватило ума не отпустить ее одну домой. В пустой квартире от переполнявшего отчаяния Лиля могла с собой что-нибудь сделать. Он женился бы на ней хоть завтра, только б она согласилась. Ребенок от этого козла? Подумаешь! Никто ничего не узнает. А вырастет человек, поди знай, кто его зачал. Родятся еще дети, и Лиля станет с ними возиться, а он их обеспечит, чтобы семья ни в чем не нуждалась.

Он так увлекся своими фантазиями, что не сразу заметил наступившую тишину.

– Лиля! – позвал он громко. – У тебя все в порядке?!

В квартире стояла полная тишина. Ни какого шума, даже всплеска воды. Иштван подбежал к двери и затарабанил:

– Лиль!

Никто не ответил. Он испугался. Вот дурак, размечтался! А сам оставил ее одну, а она, небось, уже вены себе перерезала. В мозгу сразу нарисовались картины одна страшнее другой.

Иштван кинулся на кухню, быстро пошарив в ящике, схватил тонкий нож и с ходу отжал щеколду.

Лиля в чем мать родила сидела на краю ванной и всхлипывала. Одни рыдания, без слез. Только всхлипы, чем-то напоминающие икоту.

Она тупо уставилась на него. Он постарался отвести взгляд, но все равно отметил округлую грудь, не тяжелую, но и не маленькую. Не пялиться слишком явно оказалось тяжело.

Иштван сорвал с крючка большое махровое полотенце и плотно завернул девушку, хотя по его разумению, именно эта тряпка казалась лишней.

Лиля попробовала воспротивиться.

– Вот балда, сидишь на холодном, – проворчал он. – Еще простудишься.

Потом крепко обнял и, подхватив на руки, понес в комнату.

Всхлипывая, она уткнулась ему в грудь лицом. Он бережно уложил ее на диван и, не отпуская, примостился рядом. Она тряслась от рыданий, а Иштван, утешая, гладил по голове и плечам, правда иногда рука скользила ниже, уверенным движением проходя по спине, а после возвращаясь наверх, к ключице. Рыдания постепенно затихли, и Лиля уснула, тесно прижавшись к нему.

Глава 5

– Скажи, что мне это все приснилось? – возмущенно потребовала Лиля, входя на кухню, где он уже готовил завтрак.

– Нет, любимая, не приснилось. – Иштван чмокнул ее в нос, оторвавшись от скворчащей на сковороде яичницы. Лиля попыталась от него отмахнуться. – Тебе было хорошо? Я не разочаровал тебя? – Он нежно поцеловал ее в губы.

Слишком хорошо. Иштван, ее ровесник, оказался более опытным в плотской любви, нежели Иван, который был старше ее почти на три года. Более опытным и более нежным. Но...

– Ты! Ты! – от возмущения она не находила слов. – Ты воспользовался ситуацией! Ты просто негодай!

– Ага, негодай и подлец! – согласился он с улыбкой. – Садись лучше завтракать, набирайся сил! Может, нам захочется чего-нибудь еще после...

– Ты просто сволочь, Цагерт! Тебе кто-нибудь говорил об этом?

– Да, Лилечка, неоднократно! Ешь быстрее и пойдем обратно в постель, а то ты рискуешь остаться голодной. Клин клином надо вышибать. Это народная мудрость. Может, со мной ты забудешь этого козла.

– Ты решил, что теперь со мной можно делать все что угодно?! – разозлилась она. – Раз я попала в такую историю. Я не такая, как все твои бабы! Ошибаешься, Иштванек! – От накотившего негодования она даже притопнула.

– Ты что, дура, Агапова?! – искренне изумился он. – Какие бабы?! Да я всю жизнь люблю тебя, идиотку. Со второго класса, как пришел в эту школу. Мне другие на фиг не нужны, если ты рядом будешь. А так, я же живой человек, Лиля!

Он перевел дух:

– Значит, так. – Его голос зазвучал непривычно резко. – Первое, как порядочный человек, после сегодняшней ночи я должен на тебе жениться. Второе, из-за ребенка я отпущу тебя к этому козлу, но, если он откажется от тебя, выйдешь за меня замуж. Согласна?

– Но я же не люблю тебя, – пробормотала Лиля.

– Ты просто этого не знаешь, – самоуверенно заявил Иштван.

Он подошел к ней, взял рукой за подбородок и поцеловал. Долгий поцелуй перешел в волнующие ласки. До комнаты они не дошли, а яичница пригорела.

В половине четвертого Лиля с Иштваном подъехали к пятнадцатой больнице, где в травматологии лежала Зина Кондратьева. Он достал из багажника два кулька с фруктами, и они двинулись вверх.

– А где Костик лежит? – поинтересовалась Лиля.

– В своем любимом отделении, в зубной травматологии. Он после серьезных драк обычно там отдыхает.

– А это далеко?

– Напротив твоей Зины. Дверь в дверь. Ты у нее побудь и в четыре выходи в коридор. А я с Костику на лестнице постою. Если все сложится удачно, проходи мимо, не оборачивайся. А если будет, как я предполагаю, то сам вмешаюсь. Все, иди. – Он чмокнул ее в щеку и, выдав пакет с фруктами, отправился к соседней двери.

Зина лежала с подвешенной к потолку ногой и читала. Копна рыжих волос разметалась по подушке. Подруга настороженно посмотрела на Лильку.

– Выкладывай, что случилось?

– Ничего, – стараясь сохранить только-только обретенное спокойствие, соврала Лиля.

– Странная ты сегодня! На себя не похожа, – с сомнением заметила Зина.

Они поболтали о том, о сем. О предстоящей свадьбе Нины Сердюковой, о ее женихе. Решили, что за такого бы ни одна из них ни за что бы не пошла. Обсудили моду на свадебные платья и уже перешли к вопросу первой брачной ночи, как в палату вошел Иван.

– Привет! – кивнул он Зине.

– Что ты хотела? – спросил Лилю, даже не поздоровавшись с ней.

– Поговорить, – спокойно сказала Лиля, стараясь не смотреть на удивленную Зину.

Коридор оказался пустым. Лишь на лестничной клетке, сразу за стеклянной дверью, стояло несколько парней. Одного из них Иван узнал сразу: вчерашний Пахом. А другой, чернявый, в коричневой кожаной куртке, и есть, должно быть, тот самый Иштван Цагерт.

– Что хотела? – повторил вопрос Иван. Холодно и через силу. О чем говорить, если сюда она пришла, заручившись поддержкой друзей-уголовников. Обсудили, должно быть, линию защиты, и заодно утешили.

– Кто мне звонил? – сразу набросился он.

– Иштван. Я попросила.

– Куда не посмотри, всюду Иштван, – осклабился Иван.

– Понимаешь, получилась глупая ситуация, – начала оправдываться Лиля. – Мы с ним просто друзья. И как-то ездили большой компанией на дачу. Он фантазер и наплел какую-то чушь Игорю Петровичу. Больше я пока не могу тебе ничего сказать, это не моя тайна. Ты просто верь мне, Ванечка. Я люблю тебя. Пожалуйста, давай...

Она стояла перед ним в темном драповом пальтишке и мямлила, как двоечница у доски. И из всех христианских чувств Иван мог испытывать к ней только жалость.

– На чьей даче мы тогда трахались? – грубо перебил он, не скрывая презрение.

– Это дача Иштвана. Его родителей. Я попросила ключи, – пробормотала она, отводя глаза.

– И там ты чувствуешь себя как дома. Даже знаешь, где хранятся простыни. – Иван смотрел отчужденно. Его глаза, обычно добрые и веселые, полыхали огнем ненависти и презрения.

– Да мы с семьей туда часто ездим, – снова начала оправдываться Лиля, и это была самая настоящая правда. Но в нее с трудом верилось при таких обстоятельствах. – Мы дружим семьями.

– Ты спала с этим... своим другом? – теряя терпение, ощерился Иван.

– Нет! – слишком быстро выпалила Лиля и залилась краской.

– Ты врешь. Все ты врешь! Хочешь пристроить мне чужого ребенка? Нашла дурака! Гадина!

В ярости от ее предательства он схватил ее за плечи и начал трясти.

– Руки от нее убери! – приказал кто-то совсем рядом.

Иван обернулся. Парень, идентифицированный им, как Иштван Цагерт, только что стоявший около стеклянной двери, вдруг оказался рядом. За ним не торопясь, танцующей приклатненной походкой приближались еще трое.

– Руки, – угрожающе повторил Цагерт. И участливо обратился к Лиле – Как ты?

– Нормально, – обреченно кивнула она. И жалобно позвала: – Ваня!

Иван демонстративно убрал ладони с плеч предавшей его женщины, отпустил ее и замер, словно изваяние. Лицо его, искаженное злостью, превратилось в маску. Ивана переполняла дикая злоба, бесило вероломство невесты. Теперь уже бывшей. Игорь оказался прав: даже сюда, на разговор с ним, она пришла со своими друзьями.

– Вот это, – он обвел глазами собравшуюся вокруг компанию, – лишь подтверждает твоё вранье. Я не женюсь на тебе, хватит мне лапшу на уши вешать! И вообще, не желаю иметь с тобой ничего общего!

Лиля обмерла, потрясенная его предательством, слишком быстро Иван отказался от нее.

– Тебе все ясно, Лилечка? – участливо поинтересовался Цагерт.

Она кивнула, интуитивно прижимая руки к груди, до боли сцепив пальцы. По ее щекам лились слезы. Только бы не грохнуться в обморок.

– Так что ж ты стоишь, как падшая женщина? – ласково увещевал Иштван. – Умоляешь... Тебе это совсем не идет! Поехали, милая, поехали, – Он взял Лильку за плечи, как свою собственность – естественно, он имел на это все права – и увлек к выходу. Она безропотно пошла с ним. В дверях Цагерт остановился, пропуская даму вперед и, усмехнувшись, посмотрел на Ивана гордо и самодовольно.

– Теперь только попробуй подойти к ней, – мрачно пригрозил Пахом и, сплюнув на пол, в окружении своих вассалов направился к выходу.

Иван, оставшись стоять у окна, размышлял. Взгляд Цагерта его озадачил. Где-то в мозгу теплилась мысль, но из-за обиды и злости он не мог ухватить ее.

Из окна Иван видел, как вся компания вывалила на улицу. Впереди Иштван, заботливо обнимающий подружку, за ними – Пахом и остальные. Цагерт одной рукой достал из кармана куртки ключи от машины и кинул их Пахому. Потом усадил Лильку на заднее сиденье и, плюхнувшись рядом, обнял. Но за секунду до этого они с Пахомом стукнулись поднятыми вверх ладонями в знак удачи и одержанной победы.

«Он меня переиграл», – внезапно пронеслась в голове у Ивана странная мысль. А еще он почувствовал, на самый короткий миг ощущение ужасной потери, когда уже ничего изменить нельзя. Иван отогнал глупые мысли, и собрался было вернуться к Зине Кондратьевой. Она-то должна точно знать о шашнях подружки.

– Шпана, настоящая шпана, – вдруг сказал кто-то рядом. – И девка тоже блатная.

Иван обернулся и увидел Игоря Мищеренко.

– Мы – домой, – бросил Иштван Пахому.

Тот кивнул и уточнил:

– Машину дашь на вечер?

– Бери, только потом сам загони в гараж. И прежде, чем загонять, позвони мне!

Они подъехали к дому. Обычному девятиэтажному, панельному, стоящему в окружении таких же домов. С набитыми мусорными баками около подъезда. И с бабушками на лавочках неподалеку.

Выйдя из машины, Лилька тупо посмотрела на свои окна.

– У меня никого нет. Может, еще не вернулись? – недоуменно спросила она Иштвана. Вопрос казался риторическим.

– Вернулись, – улыбнулся Иштван. – Вон смотри, Линкины колготки на веревке болтаются. Вчера днем их не было. А твои родители, наверное, у нас. Отцу вручили какую-то медаль ВДНХ. Вот и обмывают.

Отец Иштвана работал директором завода. И, сколько себя помнила Лилька, всегда ходил в костюме и белой рубашке. Носил тяжелый кожаный портфель, затертый так, что первоначальный цвет угадывался с трудом. И каждое утро в половине девятого за ним приезжала черная «Волга» и увозила на завод. И каждый вечер в половине седьмого привозила обратно. Лилькин отец трудился на том же заводе начальником цеха. Но никогда ее отец не ездил на этой самой «Волге». А всегда шел на завод пешком. И когда кто-нибудь шутики ради спрашивал, что это за дружба такая, что друг даже до работы не довезет, он просто отвечал:

– Поэтому и дружим, что никто никого ни о чем не просит, никто никого не ждет.

– Пойдем к нам. Мать там всякой вкусотищи наготовила, – предложил Иштван, когда они уже поднимались в лифте. И тихонечко ее поцеловал.

– Я бы осталась дома, – прошептала Лиля.

– Будешь сидеть, и реветь? – Он строго посмотрел на нее. – Я против.

Она отперла дверь и хотела попрощаться. Ей нужно побыть одной. Решить, что делать дальше. И в голове с разной интонацией все время билось цветаевское:

«Спрошу я стол, спрошу кровать, зачем живу, зачем я бедствую, отцеловал – четвертовать, другую целовать – ответствуют!».

– Я войду, – скорее, поставил в известность, чем спросил Иштван.

– Входи, – согласилась она – уже не осталось сил спорить или что-то объяснять.

– Иди ко мне, – хрипло проговорил он, как только захлопнул дверь, и потянулся к ней.

– Иштван! – попыталась остановить его Лиля.

– Иди ко мне, – повторил он, зарываясь лицом в ее волосы. – Я мечтал об этом от самой больницы!

– Ты хочешь заняться этим в коридоре? – изумленно проговорила она, пытаясь отстраниться.

– Можно и в твоей комнате, – пробормотал он. – Только скорее...

– Я хочу жениться на тебе, – заявил Иштван, когда она подкрашивала глаза около большого зеркала в прихожей. Лиле нравилось краситься именно здесь. В этом зеркале она казалась себе очень красивой. Он стоял рядом и, улыбаясь, любовался ее отражением. Лилия принарядилась, надела вязаное платье цвета морской воды. Сумасшедший оттенок, делавший заплаканные зеленые глаза колдовским наваждением.

– Я не знаю, разумно ли это с твоей стороны. Я боюсь, что ты потом пожалеешь! – засомневалась она. – И мне стыдно смотреть в глаза твоим родителям!

– Во-первых, они ничего не узнают, это только наше с тобой дело. Во-вторых, они тебя любят, ты ж знаешь. И, самое главное, скажи, неужели я так тебе противен, что ты против брака со мной даже в такой ужасной ситуации? – воскликнул Иштван с горечью.

– Нет, не противен. Иначе я не смогла бы с тобой... Просто я не могу так быстро принять решение! Ясное дело, что это самый лучший выход! Но я не хочу сделать тебя несчастным! Боюсь, как бы ты потом не пожалел. – Она выговорила это, и ее глаза наполнились слезами.

– Эй, прекрати реветь! Сейчас потечет тушь, и мы заночуем прямо в прихожей, – пошутил Иштван. Его губы растянулись в мягкой улыбке.

Лилия расхохоталась. Смех сквозь слезы. Он стоял совсем рядом. Черные глаза смотрели нежно и преданно. Близкий, родной человек. Настоящий друг. Тот самый друг, что вытаскивал ржавый гвоздь, который она загнала себе в пятку через сланец, когда играла во дворе в волейбол лет в двенадцать, много лет подряд объяснявший ей физику и алгебру, а иногда и геометрию. А она писала за него сочинения. Друг, который не ходил без нее в гости и шантажировал этим всех своих приятелей. И Лилия помнила, как он заставил Нину Сердюкову помириться с ней и пригласить на день рождения.

– Без Лили и я не приду, – заявил он тогда.

Нине ничего не оставалось, как пригласить и ее. Им тогда исполнилось по десять лет.

– Ты мой самый близкий друг, и мне страшно подумать, что, выручая меня, ты испортишь себе жизнь, – постаралась объяснить Лилия ласково, опасаясь обидеть его. – А ты подумал, что будет дальше? Мы...

– Я объясню тебе, что будет дальше, – резко перебил он. – Завтра мы подадим заявление в загс, и до свадьбы проживем в дедовой квартире. В нашей с тобой квартире. Самое большее через месяц мы официально поженимся. И я даю тебе слово, что ты никогда не пожалеешь об этом. И я клянусь, что никогда не пожалею об этом сам.

Иштван замолчал. И Лилия увидела капельки пота у него на лбу. Маленькие прозрачные бисеринки.

«Он сильно волнуется», – пронеслось у нее в голове. И, в самом деле, почему она так убивается из-за Ивана, оказавшегося полным ничтожеством, и не может оценить благородство

соседского мальчика, учившегося с ней в одном классе? Наверное, придется принять его предложение. Иначе вся последующая жизнь превратится в ад. На нее будут показывать пальцем на улице. А мать, наверное, выгонит из дому.

– Я согласна, – прошептала она. – Я согласна выйти за тебя замуж.

– Тогда пошли наверх, объявим родителям, – радостно скомандовал Иштван.

Обе стороны восприняли известие со сдержанной радостью: и мальчик неплохой – всегда мечтали о таком зяте, – и девочка замечательная, только ее в невестки и прочим. Но, рано, дети, рано! Вам всего лишь девятнадцать! Годик-другой потерпите!

Иштван блестяще разыграл козырную карту. Родители умилились, пару раз назвали их негодяями, долго охали и ахали, а потом даже отпустили жить отдельно до свадьбы. Этому обстоятельству Лиля удивилась особенно. От своих родителей она такого не ожидала. И ей в какой-то момент даже показалось, что Иштван всех обвел вокруг пальца. Все тщательно спланировал.

А после поцелуев и тостов жить счастливо и любить друг друга до самой смерти позвонил Витя Пахомов:

– Загонять машину в гараж или нет? – Вовремя очень позвонил.

– Мы поехали к себе, – поставил в известность окружающих Иштван. И увез Лильку на дедову квартиру.

Она заснула почти сразу же, утомленная событиями этого нескончаемого дня, в течение которого многое произошло. И предательство с вероломством, и объяснения в любви. Как в сказке, все закончилось свадьбой. Приехал прекрасный принц на белом коне и спас принцессу от злодея. И неважно, что принцем оказался друг детства, а злодеем – Иван, так горячо любимый. И если бы хотя бы позавчера Лильке кто-нибудь предсказал, как пройдут выходные, она бы даже не смогла назвать того несчастного сумасшедшим. Слишком очевидными должны быть повреждения головного мозга. А теперь все закончилось. Иван – чужой человек, а Иштван – будущий муж. Неожиданные перемены! Как там говорила эта стерва, Скарлетт О’Хара?

«Я подумаю об этом завтра»?

«А я не буду думать об этом никогда!» – И сквозь сон Лиля слышала, как Иштван поцеловал ее в лоб, и нежно погладил по голове.

Он смотрел на нее, уснувшую на его плече, и чувствовал прилив необыкновенной нежности к этой наивной девочке, своей жене.

А еще испытывал удовлетворение от блестяще проведенной операции. Он все рассчитал безупречно. Без заготовок и прикидок, просто действуя по наитию. Вызвал в больницу Пахома, вроде проведать Костика, и переспал с Лилькой до того, как она поговорила со своим Иваном. Конечно же, этот недоумок не поверил ни одному слову. А кто бы поверил? Лилька со странным блеском в глазах заверяющая в чистой и вечной любви, и шпана на лестничной площадке, настороженно наблюдающая за развитием событий. Этот Иван оказался фантастически предсказуем и оправдал все возложенные на него надежды.

Иштван довольно усмехнулся. Из паршивой ситуации, ничего кроме тюрьмы не сулящей, получилось выйти победителем. И, как и положено победителю, он повернулся к женщине, за обладание которой пришлось повоевать, почти как на средневековом турнире, и осторожно принялся будить ее.

Глава 6

В течение следующей недели мало не показалось никому. Ни бухгалтерии, которую Иван гонял из-за излишне, на его взгляд, уплаченных налогов; ни отделу закупок, из-за маленького складского остатка, который он утвердил лично; ни отделу рекламы и маркетинга, из-за отсутствия каких – либо новых идей. Так же мало не показалось и филиалам, которые плохо работают и не дают никакой прибыли. Местные остряки осведомлялись у секретарши Леночки, не подсыпает ли она «озверин» в чай руководству.

Но самый крупный скандал разразился в пятницу, когда Бессарабу попался на глаза отчет экономистов за прошлый месяц и он обнаружил там ошибку. Девушку, допустившую ее, он уволил в течение часа. Такого никто не ожидал.

И когда к нему в кабинет влетел Стас, чтобы заступиться за только что уволенную девчонку, то Иван просто швырнул в него этот треклятый отчет.

– Посмотри: динамика активов за февраль больше, чем за март! У нас что, убыток?! Нет, Стас, у нас убытка быть не может, у нас есть безграмотные сотрудники, которые смеют мне представлять всякую липу.

Стас отчет поймал, посмотрел на графу «Прибыль», где красовалось число с минусом.

– Ты прав, Иван. Одни сотрудники безграмотные, а еще наверняка кто-то ворует.

– Вот и разберись! – Иван стукнул кулаком по столу. – Ты же у нас исполнительный директор!

– Давай пригласим аудитора. Пусть проверит всю документацию и даст заключение.

– Делай что хочешь, только избавь меня от этой лажи!

– Что происходит, Иван? Марину ты оставил у родителей, Ольгу Николаевну перевел на какое-то ежемесячное денежное довольствие из нашей кассы. Я ничего не понимаю...

В кабинет просунулась голова Терентьева:

– Можно, Иван Григорьевич?

– Заходи, Геннадий Викторович! Вот сейчас, Стас, и посмотрим, что происходит, – буркнул Иван.

– Мне уйти? – Стас обиженно вскинул голову.

– Ну, если у тебя нет ничего срочного, оставайся! – отмахнулся Бессараб.

– Пойду к себе. А давай вечером сгоняем партию, другую.

– Мне надоел бильярд! Оставайся или вали к себе. У меня еще много дел, Стас!

Станислав Николаевич Говоров покинул кабинет Ивана озадаченным и слегка обиженным. Что происходит, черт возьми?!

Терентьев потрудился на славу, достал из-под земли историю болезни Светланы Иштвановны Цагерт, 1989 года рождения, обменную карту из женской консультации, стоявшей на учете по беременности и родам Цагерт Лилии Михайловны, а также копию уголовного дела, возбужденного против некоего Нестерова Владимира Георгиевича, признанного решением районного суда виновным в совершении убийства. Так же имелись старые фотографии, запечатлевшие бракосочетание Лилии Михайловны и Иштвана Модестовича, фотография маленькой Светочки в детском саду, три видеокассеты и целая папка свидетельских показаний, как выразился Терентьев.

– Спасибо, Геннадий Викторович! За выходные я все посмотрю, а в понедельник, если сочту нужным, пробежимся по деталям. А как вам удалось собрать столько информации? И что, люди вот так сидели и вспоминали, ничего не спрашивали?

– Почему, спрашивали! Легенда была такая, что местная киностудия собирается снимать фильм об известном земляке, и мы, внештатные сотрудники, собираем материал.

– Кто-то поверил?

– Нет, не все. – Терентьев позволил себе улыбнуться. – Зинаида Кондратьева выставила нас взащей, сказала, что мы – проходимцы и наживаемся на чужой беде. И она нам в этом не помощник.

– Так и сказала? – усмехнулся Иван. А про себя подумал с досадой: «Почему тогда я не поговорил с Зиной?»

Зина Кондратьева услышала в трубке знакомый голос и заголосила:

– Лиля! Лилечка! Как ты там? Как Светочка? Мы совсем не поговорили, когда ты здесь была.

– Зина! Прекрати! Я звоню с переговорного пункта, очень мало времени. Мы завтра приедем, сними нам квартиру где-нибудь в центре. Любую квартиру, только быстро!

– Лиля! Зачем тебе чужая квартира? У тебя же есть своя, в крайнем случае, ты можешь остановиться у меня.

– Зина! Ни о чем не спрашивай, сделай, как я прошу! – Лиля чувствовала, что начинает закипать. Но шумная Зинка всегда отличалась излишней суетливостью.

– Лиля, тут тобой на прошлой неделе интересовались, приходил какой-то парень, говорит, фильм про Иштвана снимать собираются, вопросы дурацкие задавал.

– Зина, это журналисты! Не обращай внимания! Это уже неважно!

– А что важно? Ты скажи...

– Ты там же работаешь? – перебила Лиля.

– Ну да! Где же еще? У меня...

– Мы приедем сразу к тебе на работу. По дороге я тебе позвоню. Все! Целую, жди нас!

– Я тебя тоже, Светочку поцелуй!

Разговор закончился. Лиля Цагерт стояла в кабинке переговорного пункта, упираясь спиной в одну из боковых стенок. Незаметно достала левой рукой, купленный на чужое имя мобильник, который держала между ухом и плечом, и быстро сунула его в карман. Потом громко и отчетливо произнесла несколько слов на шведском в молчаливую черную трубку. А затем медленно и демонстративно положила ее на рычаг правой рукой. Имитацию разговора с Гетеборгом можно считать законченной. Она, не глядя по сторонам, вышла из кабинки. Человек, следивший за ней, грязно выругался – ничего не слышно. Только пара фраз на чужом языке. Все, что он узнал от дежурной, что она звонила в Гетеборг. Конечно, намылилась в свою Швецию. Только, кто ж тебя отпустит, девочка?

Он наблюдал, как она садится в белую «Хонду CRV» и лихо отъезжает. Догнать ее удалось лишь через пару кварталов. Вдова Цагерта заехала в авиакасы и купила билеты до Стокгольма. Он даже слышал номер рейса. В следующий понедельник, в 15-20. Потом направилась в «7 континент», где набрала полную тележку продуктов. На неделю хватит. Наблюдатель прошел совсем рядом, заметил пакеты с фаршем, йогурты и детское питание. Все скоропортящиеся. Он проводил ее до самого дома, проследил, как она зашла в подъезд, и вскоре на кухне зажегся свет. Все, птичка в клетке! Сразу докладывать руководству он не собирался, любому человеку полагается право на личную жизнь. И никуда эта краля не денется до завтра.

Лиля, зайдя в квартиру, перецеловала детей, маявших в ожидании. Затем бросилась к окну, заметила отъезжающую машину, неотвязно следовавшую за ней несколько часов. Ее преследователь покинул свой пост. На сегодня шоу закончилось. Пора начинать действовать. Пакеты с продуктами отправились в холодильник неразобранными. Завтра их заберет домработница. Все покупалось для отвода глаз. Впрочем, как и билеты в Стокгольм.

Она передала сына Свете. Сама подхватила саквояж и сумки, собранные заранее. Только самое необходимое.

– Все, родная, пора!

Они крадучись вышли из подъезда и завернули за угол, где стояла новенькая «девятино девяная», быстро уселись сзади.

– Перед постами ГАИ ложитесь на сиденье, – бросил водитель, выезжая со двора.

– Хорошо, Олег, – согласилась Лиля, а сама подумала, что привычный путь от Москвы до отчего дома оборачивается полной неизвестностью. Что ждет ее и детей? Кто и за что убил мужа? И кто все-таки звонит и угрожает ей? Но лететь в Стокгольм она не решилась. Слишком явно, могут перехватить. Лучше вот так, по-тихому, удрать из города и затаиться на время. Пусть болото, взбаламученное смертью Иштвана, немного утихомирится и покроется ряской. А там глядишь, и она с детьми сможет вернуться домой. Как прежде уже ничего не будет, но и ради детей живут, правда?

Олег довез их до Ельца. И на каждом посту ГАИ они падали, как китайские болванчики, потом снова садились. Олег предъявлял свою замечательную ксиву, и они ехали дальше.

Кто бы мог подумать, что придется так удирать из Москвы, и единственным человеком, желающим помочь им, окажется Олег, институтский друг Иштвана, всплывший неведь откуда незадолго до его смерти.

В Ельце машина остановилась. Сразу же из темноты появилась красная «Ауди» и поморгала фарами.

Олег и Лиля вышли из машины, стали прощаться.

– Все, езжай аккуратно, до твоего Города меньше двенадцати часов. Документы в бардачке. На связь выходим в 16-00 через день. Я думаю, все утрясется, через месяц сможете вернуться. Ешьте фрукты, купайтесь в речке и звоните. С сотового звони только мне, чтоб «они» знали, что ты не одна. Абонентская плата внесена на месяц вперед.

– Ладно, не переживай за нас. Все обойдется. Только ты узнай, что эти люди хотят? Я все отдам, лишь бы жить спокойно. И потом, я ничего не взяла, только самое необходимое. Пусть заходят в квартиру и ищут, что надо. Когда найдут, сообщи, мы вернемся.

Олег поцеловал Лильку в щеку.

– Лиля! Когда все утрясется, выходи за меня замуж.

– С ума сошел? – от неожиданности она не нашлась, что ответить.

– Ты же знаешь, как я к тебе отношусь! – Голос Олега стал напряженным.

– Еще я знаю, что у тебя хорошие жена и дети, – отрезала Лиля.

Она чмокнула его в пухлую щеку, решительно села за руль и дала по газам.

– Ты, что, правда, выйдешь за него замуж? Ты же его не любишь? – Света, негодуя, смотрела на мать.

– Это шутка, Света. На всем белом свете не найдется мужчина, способный заменить твоего отца! – усмехнулась она печально и посмотрела на дочку в зеркало заднего вида.

– Мам, а он не шутил. – Предупредила Света, встревожено поймав взгляд матери.

– Мне надо было его послать? Сейчас мы не можем себе этого позволить. А через год, сама знаешь, или ишак, или падишах, или ходжа Насреддин. – Лиля улыбнулась через силу и подмигнула дочке. – Давай, ложись, вздремни немного, пока Мишка спит, потом будешь его развлекать.

Она ехала по трассе в кромешной темноте и размышляла.

«Ты его не любишь, сказала Света. Нет, не люблю. Иштвана любила и уважала. Боготворила его. Муж был особенным, лучшим другом и советчиком. Может, это и есть любовь, спокойное тихое чувство, полное доверия и уважения, полное преклонения друг перед другом».

Она еще помнила то, другое испепеляющее, рвущее душу, чувство, казавшееся много лет назад великой любовью и чуть не погубившее ее саму. Если бы не Иштван... Человек, в которого она влюбилась когда-то, оказался обычным мерзавцем. Подумаешь, такое происходит сплошь и рядом. И ничего необычного в этом нет. А самое удивительное, что у нее все эти

годы был Иштван. И она чувствовала себя в безопасности, как за каменной стеной. Он любил ее, и эта любовь наполняла ее жизнь особым смыслом. Он ни разу не попрекнул Светой, наоборот, считал своей, любил и баловал.

А почти два года назад оказалось, что будет еще ребенок. Мишенька, сыночек, как ясно солнышко, точная копия отца.

– Я вместо ксерокса поработала, – шутила она тогда. Жизнь казалась спокойной и налаженной, даже Светкину болячку удалось побороть.

«Иштванек, Иштванек, что ж ты наделал?! Куда и во что ты влез, что это стоило тебе жизни? Миленький мой, как же мне без тебя?!»

В автомагнитоле Кутиков запел про новый поворот. Лиля решительно вытерла слезы и через силу начала подпевать. А потом решительно свернула с трассы в непроглядную мглу.

В Город она въехала по грунтовой дороге, идущей через поля, по старой партизанской тропе – как говаривал когда-то их с Иштваном школьный друг Витя Пахомов, показавший в свое время эти секретные подступы к городу. И когда через минут двадцать вдалеке заблестели золотые купола главного городского собора, Лиля решила, что все после смерти мужа она сделала правильно. И Иштван мог бы ею гордиться.

Иван посмотрел сначала кассеты, принесенные Терентьевым. На первой были запечатлены похороны Иштвана Цагерта. Оказалось, что его похоронили здесь в Городе, на центральной аллее кладбища, словно героя. Цветы, венки, прощальные речи. Великие люди мира сего говорили о том, какого человека потеряла эта страна. Лилька стояла в черной шали и в черных очках. И в какой-то момент Ивану показалось, что у нее по щеке бежит слеза. Но, будучи человеком, искушенным в общественной жизни, она не стала ее вытирать – то ли боялась испортить макияж, то ли не хотела, чтобы кто-то видел, что она плачет. Ветер трепал концы черной шали и выбившиеся из-под нее волосы. А она не обращала на это никакого внимания и лишь обнимала прижавшуюся к ней дочку. И от этого у Ивана защемило сердце. Подходили прощаться самые разные люди. Рядом стоял Виктор Николаевич Пахомов, владелец нескольких магазинов, ресторанов и рынков, с суровым и мрачным лицом, с ввалившимися щеками, губами, сложенными в недобрую складку. Но больше всех удивил Сергей Валентинович Корабельников, большой чиновник областной администрации. Подошел, поцеловал Лилу и Свету, встал рядом. Потом они все вместе шли с кладбища. И Иван заметил, как Лиля достала из сумочки темную тонкую сигаретку. Господин Корабельников, как настоящий джентльмен, тут же выхватил зажигалку, помог прикурить. Видеть, как Лиля затягивается и правильно, можно сказать, очень красиво курит, было очень непривычно и почему-то сильно покорило Ивана.

А почему, собственно, она не может курить? Прошло пятнадцать лет. За эти годы любой человек сильно поменяется. И Лиля превратилась же из скромной, застенчивой девушки в стильную, импозантную женщину. Эта стрижка, маникюр, прочие дамские штучки. Какие-то простые, а, следовательно, очень дорогие тряпки. Черные брюки и куртка. Иван поймал себя на мысли, что даже при теперешнем его благосостоянии он не смог бы обеспечить ей такую жизнь. А, после смерти Цагерта, Лиля должна быть очень состоятельной женщиной. Наверняка у нее свое дело есть. Какой-нибудь салон красоты на Новом Арбате или бутик на Тверской. Она не из тех дамочек, кто будет сидеть дома, варить борщ и заглядывать в рот любимому мужу. Он отвлекся, а на экране была уже следующая мизансцена. Лиля стояла около красной «Ауди» с правительственными номерами и что-то говорила человеку, сидящему на заднем сиденье. Иван нажал на перемотку, чтобы посмотреть, кто же сажился в эту самую «Ауди». Люди смешно попятились назад к могиле.

«Если я еще покручу, то Иштван Цагерт восстанет из гроба», – почему-то подумал Иван. Но вот какой-то поджарый мужик садится в машину. Вот повернулся лицом. Д-а-а-а! Баста карапузики, кончились танцы! Он промотал вперед, где Лиля разговаривает с ним около

машины. Олег Иванович Дунаев. Этого мужика Иван, как и вся страна, видел только на экране. Он что-то объяснял в разных передачах, выступал в государственной думе, ездил по стране и выезжал за ее пределы во главе разных делегаций. Пост его все время менялся, и какую должность он сейчас занимал, Иван не знал. А Лиля стоит рядом, спокойно разговаривает, ни один мускул на лице не дрогнет. Потом позвала девочку, та скорчила матери гримасу и села в машину, потом села Лилия. Процессия тронулась. Охрана, мигалки, гаишники. Что вы себе вообразили, Иван Григорьевич? Вы ездите в одной машине с депутатом нескольких созывов? Да, вы перед Корабельниковым Сергеем Валентиновичем шапку ломаете. То на шашлычок позовете, то на охоту. А вот и он стоит расстроенный. Все уехали, его забыли. Нет, прыгнул к Пахомову в «Мерс», по-свойски так прыгнул.

На другой кассете оказался утренник в детском саду. Маленькая Светочка читала стихи около елочки. Дед Мороз дарил ей подарок. Иван всмотрелся в бледное лицо дочки. Видимо, болезнь уже начала свое наступление на маленького человечка. Потом на этой же кассете Лилия везла Свету в инвалидной коляске по парку, не нашему, больно ухоженному. Кругом сновали белки, и Света тянула к ним тонкие ручки, пытаясь кормить, а зверьки разбегались в разные стороны. Оператор, Цагерт, наверное, сделал крупный план, и лицо ребенка оказалось почти на пол экрана. Иван остановил кадр и посмотрел на фотографию, которую взял у матери. Очень похожи!

На третьей кассете было записано какое-то мероприятие пятилетней давности. Иштван в смокинге принимал какую-то награду и целовался с ведущей. Лилия в вечернем платье и на огромных каблуках стояла с бокалом шампанского. Дальше Иван смотреть не стал, поняв, что зря затеял все это. Что проку разбираться сейчас и понимать, что уже ничего не вернуть! Он хотел отложить в сторону все материалы, добытые Тереньевым. Но руки сами потянулись к папке, лежащей с краю.

Иван пролистал дело какого-то Нестерова, завершенное суровым приговором – двенадцатью годами строгого режима. На железной дороге совершались хищения. Не обычные, со сбиванием замков топором и кражей чего попало, а изощренные. Где замочек аккуратненько открывался, после чего оставались лишь две глубокие царапины, и потом так же аккуратно закрывался. И открывались вагоны выборочно, не все подряд, а только те, в которых перевозились радиодетали, мелкие и дорогие. И преступники ни разу не попались на сбыте. Значит, сбывали куда-то в закрытые НИИ. Куда без визы первого отдела попасть невозможно. И схема предельно проста. НИИ покупает якобы эти самые детали совершенно официально в специализированном магазине. И есть все документы – платежные документы и накладные. А вот и сами детальки, в сейфе у материально ответственного лица хранятся, и все совпадает. Только никто в магазине детали не берет, их привозят ворованные, а взамен их магазин отпускает магнитолау или телевизор. А сколько стоит новый цветной телевизор с рук? Правильно, в два раза дороже! Поймать преступников можно только на месте преступления. Но в поставленные засады так никто и не угодил. И вот совершенно случайно, возвращаясь с обеда, один из машинистов наткнулся на троих парней лет двадцати, не старше, лихо открывающих замок непонятным устройством. Двое убежали, а один замешкался и пырнул ничего не подозревавшего мужика ножом. Через месяц убийцу задержали. И он сознался, что вскрывал вагоны не один, а с Пахомовым Виктором, по прозвищу Пахом, и Цагертом Иштваном, по прозвищу Герт. Но во время дознания выяснилось, что не находились эти двое даже рядом с железнодорожной станцией. Ни раньше, а в день убийства тем более. А с большой компанией пребывали за городом, в дачном поселке «Строитель» на даче у Иштвана Цагерта. И это подтверждают не только Лилия Агапова, Сергей Корабельников и Елена Птицына, приехавшие вместе с подозреваемыми, но и Петровская Софья Григорьевна, соседка. Иван всмотрелся в мелкий убористый почерк следователя, такой знакомый. И злость затопила душу. Ну почему Игорь сразу во всем не разобрался? Следователь, твою мать! Как мог поверить всяким «свидетелям»? Есть же методы!

Иван еще раз внимательно посмотрел на дату совершения убийства – 15 сентября 1988. Не развлекалась эта веселая компания на даче. А были только Лиля и он, Иван.

Тот день он запомнил хорошо. Как ехали в полупустой электричке в Рамарское. И сидели в самом конце вагона в обнимку и целовались все время. Там на даче они провели весь день и лишь поздно вечером возвратились в город. И это было точно 15 сентября 1988 года. В третью годовщину смерти Тани. Его старшей сестры. Он прогулял поминки и поездку на кладбище, и от матери сильно досталось. Пришлось даже наврать что-то про университет.

Тот день остался на всю жизнь в памяти в мельчайших деталях. Правда, много лет подряд он гнал от себя поганой метлой воспоминания. А они все равно лезли из всех щелей. Помнил широкую кровать, на которой долго валялись, и даже видел как наяву, как в окно мансарды пробиваются сквозь листву лучи осеннего солнца, наполняющие золотым свечением все вокруг. И Иван до сих пор вспоминал иногда, как руки скользили по гладкой коже любимой женщины, и жар, поднимающийся изнутри, изматывающий, требующий разрядки. И пот, струившийся между телами, плотно прижавшимися друг к другу. А потом навалился сон, глубокий и чуткий одновременно, когда провалившись в забытие, ощущаешь кожей любимую и не в силах отпустить ее даже на секунду. Проснувшись, они поняли, что страшно проголодались, и наперегонки бросились на кухню, пили кофе из белых пузатых чашек и ели наспех собранные бутерброды. После обеда Лилька потянула Ивана в сад, хотя ему очень хотелось вернуться в мансарду. На деревьях висели красные яблоки с глянцевыми боками. Они сорвали и съели одно на двоих. Яблоко оказалось вязким и терпким. Видимо, поздний сорт.

– Мы вкусили запретный плод! – засмеялась Лилька.

И Ивану казалось, что теперь он понял, что такое состояние безмерного счастья. Если рядом с тобой любимая женщина, которая скоро станет женой.

Он захлопнул папку и начал тереть лицо руками. «Если я еще продолжу эти цагертовские изыскания, то сойду с ума. И почему раньше не пришло в голову все выяснить?» Иван, рывком поднявшись, в отчаянии стукнул кулаком по стене, сразу закачались картины, задребезжали в них стекла. Он остановился на минуту. Взял себя в руки, а затем аккуратно сложил все документы и кассеты в большую папку с завязками и сунул ее в сейф.

«Единственное, что я так и не понял, – подумал Иван, – зачем Лильке понадобилось участвовать в этом шоу. Что могло заставить ее дать ложные показания?»

И решив, что сколько бы вопросов он ни задавал сам себе, ответов на них все равно не получит, Иван вышел во двор. Сел на ступеньки и закурил. Прибежал щенок стаффорда по кличке Банзай, недавно привезенный из питомника. Уткнулся мордой в ладони, пытаясь поиграть.

«Если она позовет меня, я прибегу как этот щенок, – внезапно подумал Иван и тут же отогнал от себя эту мысль. – Мы никогда не встретимся. Такие, как я, ей не нужны. Но хотя бы ради дочери нужно найти женщину, которую когда-то любил больше жизни, а потом долгие годы ненавидел».

Глава 7

Лиля затормозила около салона красоты на центральном проспекте. Сколько себя помнила, парикмахерская на этом месте находилась всегда: жуткая, с ужасными колпаками и грубыми тетками, стригущими всех под одну гребенку. Чтобы сделать маникюр, приходилось записываться за неделю. Теперь же на серой стене, сверкая неоновыми буквами, красовалась надпись: «АФРОДИТА». Лиля повернула к парковке и еле – еле уместила машину.

– Нам сюда? – притворно ужаснулась Светка. – Здесь теперь тетя Зина работает? Афродитой?

– Толкай дверь, чудовище!

Внутри стрекотал кондиционер, наполняя помещение свежестью и прохладой, вдоль стены стояли кожаные диваны и кресла. Посетителей встречала администратор, маленькая строгая женщина с точеной фигурой. Бывшая балерина – почему-то решила Лиля.

– Чем могу помочь? – Любезность и доброжелательность «Балерины» зашкаливали.

– Юлия Дмитриевна у себя? – уставший и хриплый голос выдавал хозяйку, явно не клиентка.

– По какому вопросу? – притворное радушие уступило место едва прикрытой враждебности. «Балерина» демонстративно осмотрела Лилу в мокрой от пота майке, крепко спящего Мишку на руках у матери, Свету в мятых джинсах и таком же топе. Одним словом, картина называлась «Сами мы не местные, отстали от поезда».

– По какому вопросу? – строго повторила «балерина».

– По личному.

– Юлии Дмитриевны уже сегодня не будет. Зайдите завтра, – отмахнулась администратор и пошла открывать дверь, тем самым незатейливо выпроваживая незваных гостей.

– У нее есть мобильный? – ни с того – ни с сего разозлилась Лиля, плюхнувшись на диван.

– Да, есть, но не для посторонних!

– Вы наберите, пожалуйста, номер и дайте мне трубку, – попросила Лиля.

– С какой это радости? – Женщина негодуя передернула плечами.

– Наверное, чтобы вас не уволили, – вежливо предположила посетительница.

– Ладно. – Администратор тяжело вздохнула. – Раз вы настаиваете. Я скажу Юль Дмитриевне, что вы устроили скандал.

– Да хоть погром.

«Балерина» набрала номер по автодозвону.

– Юлия Дмитриевна, вас тут спрашивают... Нет, первый раз вижу. Нет, ни сэс...

Лиля одним движением перехватила трубку.

– Юль, это я! Мы у тебя в салоне.

В трубке воцарилось молчание.

Лиля выругалась по-шведски. Само ругательство в прямом переводе означало лишь число «восемнадцать». Шведы – одна из немногих стран мира, где принято ругаться числительными. Можно употребить число «семнадцать», но это бы прозвучало так грязно!

Подружка недоверчиво охнула:

– Цагерт, ты что ли?

– Да, – устало вздохнула Лиля.

– У меня в салоне? – уточнила Юлька.

– Ага, приезжай быстрее! И не называй меня по фамилии, пожалуйста!

– Пять минут, мин херц! – радостно звывала трубка и отключилась.

«Балерина», забрав трубку, деловито осведомилась:

– Что сказала Юлия Дмитриевна? Будет?

– Через пять минут. – Лиля устало опустилась на кожаный диван рядом с дочерью и сыном, и так же, как и дочь, вытянула длинные ноги.

Возмущенная «балерина» пошла в атаку.

– Не знаю, у Юлии Дмитриевны очень напряженный день. Вам все-таки лучше прийти завтра. Давайте сделаем так: вы подождете пять, нет, уже четыре минуты, и повторите свой визит завтра.

– Займитесь своими непосредственными обязанностями и оставьте нас в покое, договорились? – отбрила Лилия.

«Балерина» хмыкнула и отошла с видом оскорбленной добродетели.

– Ну, ты даешь! Где же твои дипломатические способности, умение найти подход к любому клиенту? – ерничала Света.

– Знаешь, я очень устала, спать хочу, сил нет.

– Поехали б сразу к Зине.

– Мы не можем вот так просто разгуливать по Городу. Сейчас дождемся Юлю, позвоним Зине, а потом уже поедем и притом на автобусе.

– Здесь нам тоже придется шифроваться?

– Ага.

– Хотелось бы знать, что такое отчебучил наш папаня, раз мы теперь в бегах?

Ответить Лиля не успела. Дубовая дверь распахнулась и влетела Юлька, маленькая пухлая рыжуха.

– Господи, а я подумала, что кто-то разыгрывает! Лилька, твою ж мать!

Администратор салона в изумлении наблюдала, как хозяйка, всегда томная и важная, прыгает в объятия высокой блондинки, невесть откуда появившейся в «Афродите».

Они обнялись, всплакнули и поплелись в кабинет.

«Хорошо, что не выставила из салона всю эту странную семейку!» – в сердцах подумала «Балерина» и поспешила снять телефонную трубку.

– Да, Ольга Николаевна, – проворковала она. – Узнала вас по голосу.

– Значит, так! – Юлька остановилась на середине кабинета и решительно рассекла ладонью воздух. – Никакой Зины, поживешь у нас. И Говоров возражать не станет. Он сильно переживал из-за Иштвана. Горе-то какое! Мы же вам вроде не чужие, а даже на похороны не попали. И ты не позвонила. Из новостей узнали.

В голосе подруги слышался явный укор.

– Я боялась навлечь неприятности и на вас.

Юлька тихо охнула.

– Что происходит? И как это связано с гибелью Иштвана?

– Я ничего не знаю! – в отчаянии взмолилась Лиля. – Его застрелили прямо в кабинете, а ведь кругом, понимаешь, полно охраны! В офисе все перевернули вверх дном, что-то искали.

– Что?

– Понятия не имею! – простонала Лиля. – У Иштвана хранился компромат на одного дядьку, и теперь тот требует вернуть.

– Верни...

– Если б я знала что! – в отчаянии воскликнула Лиля. – Во всех сейфах и тайниках, которыми муж пользовался, я посмотрела. Там ничего чужого нет. Дома – тоже. И на даче. Нигде. А мне звонят и угрожают. И ей угрожают! – Лиля кивнула на Светку и, усмехнувшись сквозь слезы, добавила – Мы сбежали. Пусть сами ищут, что хотят. Я вернусь, когда все утрясется.

– Что за угрозы? – нахмурилась Юлька.

– Убить обещают, – пожаловалась Лиля, пожав плечами. Как будто говорила о ссоре с соседкой.

– Обещать, не значит жениться, – философски изрекла подруга. – Правильно сделали, что удрали! А жить будете у нас!

– Нет, ты как не слушаешь меня!

– Не привлекай к этому делу свою Зину. – Попросила Юля. – Она может сказать по секрету общим знакомым, те – еще кому-то. И через пару дней весь город будет в курсе, где именно живет Лиля Цагерт с детьми. Еще киллера по доброте душевной до самой квартиры проводят!

– Да, я тоже этого опасаясь, но ты пойми...

– Ум-ни-ца! – перебила Говорова. – А у нас с тобой общих знакомых нет. Разве что Стасик. Сейчас я ему позвоню. Он все обтяпает в лучшем виде.

Юлькин звонок застал Стаса в кабинете Бессараба. Иван уже полчаса метал громы и молнии. Стасу порядком надоело слушать вопли шефа, поэтому и взял трубку. Но теперь заорали прямо в ухо. В голосе жены слышалось непонятное возбуждение.

– Стас! Сейчас же приезжай ко мне в салон! Это очень важно! – скомандовала она.

– Я занят, Юля! – полупшепотом отрезал Говоров.

– Ты разбираешь русские слова, проклятый идиот? Ты должен приехать прямо сейчас! – завопила жена.

– Я вообще-то на работе, – попытался он ее утихомирить, не понимая причины криков. – Скажи, что случилось?

– Не по телефону! – выпалила Юлька и отключилась.

– Проблемы, Стас? – насмешливо любопытствовал Иван.

– Я смотаюсь в «Афродиту», – пробурчал Говоров, пытаясь прийти в себя. – Буду через час, не возражаешь?

– Езжай, – небрежно бросил Иван, поморщившись, и отвернулся к монитору.

Дорогой Стас злился на себя, на свою взбалмошную жену, на Ивана. На себя – за мягкотелость, никогда не умел отказать жене. На Юльку – кто знает, какая блажь пришла ей в голову на этот раз? Сердился на Ивана, что у него появились какие-то секреты и испортился характер. И от этого сложнее стало работать.

И, уже подъезжая к салону, он чуть не врезался в «девяносто девятую» с московскими номерами, которую какой-то баран поставил прямо на повороте.

Рванув дверь в Юлькин кабинет, пробасил вместо приветствия:

– Какой-то дурак бросил на углу тачку!

– Я, Стасик! – устало призналась Лиля Цагерт, поднимаясь из огромного кожаного кресла и направляясь навстречу. На диване сидели Света с братом. Малыш увлеченно разбрасывал вокруг себя бигуди, выданные Юлей. Когда маленькая ручка тянула пластмассовый цилиндр в рот, старшая сестра аккуратно отводила ладошку в сторону.

– Привет, красавица! – Стас распахнул объятия. – Соболезную тебе. Как ты пережила все это?

– Пережила?! – фыркнула Юлька и посмотрела на него как на умственно отсталого. – Ей нужна наша помощь.

– Так, подруга, – подытожил Стас, выслушав обо всех Лилиных неприятностях. Никому звонить не надо, это раз. Поживете у нас, это два. Твою машину сейчас мои парни отгонят в гараж. Тут ее оставлять нельзя. Это все равно, как с желтой звездой выйти из еврейского гетто.

– Но... – слабо пыталась возражать Лиля.

– Никаких «но». Пункт второй – самый подходящий по нескольким причинам. Первое, у нас свой дом. Забор высокий. Семь комнат и три санузла, так что нас ты не стеснишь. Второе,

вероятность, что ты встретишь на улице кого-нибудь из старых знакомых, практически равна нулю. Тебе не придется ходить в магазины и на базар. И район другой. Ты же никогда не жила в Степановке? Все необходимое привезем мы с Юлькой. Лиль, я рассуждаю логично?

– Вообще-то да, но...

– Тогда быстро собирайтесь и через черный ход выходите, я сейчас подгоню тачку.

Лиля зашла во двор и залюбовалась. Двухэтажный дом, отштукатуренный и покрашенный в белый цвет. Большие окна и терраса придавали ему европейский вид. Недалеко от крыльца стояли массивные кадки, засаженные белыми и розовыми дикивинными цветами. На ступенях, отделанных светлой узорчатой плиткой, дремал мастифф.

– Фу, Эдвин, – предупредил Стас. – Свои, запомни!

И внутри было хорошо и уютно. Юлька, как экскурсовод, провела Лилю со Светой по всему дому.

– Выбирайте понравившиеся комнаты, – весело предложил Стас.

На обед ели борщ и салат. И еще выпили несколько стопок водки. За встречу и за упокой. И от этого приходило спокойствие. Как курс психотерапии. Поев, Лиля сразу завалилась спать. И проспала до следующего утра.

– Ну что, соня? – рассмеялась Юлька, когда подруга спустилась на кухню, белую и блестящую, словно операционная. – Как спалось?

– Знаешь, здорово, первый раз со дня смерти Иштвана, – зевнула Лиля. – Спасибо, что забрали нас к себе. – Лиля подошла и обняла подругу, на глаза навернулись слезы. Минуту-другую постояли молча, пытаясь справиться с переполнявшим обеих горем.

– Ну-ну, Лилек, – прошептала хозяйка, понимая, что такое горе словами не залечить. – Давай завтракать! – скомандовала она Лильке.

Юлька поставила на стол тарелки с овсяной кашей с тертым яблоком и налила кефир в маленькие белые кружки.

– А дети?

– Поели, будут они тебя дожидаться! Мишке сварила гречневую кашу. Света коробку дала. А ей персонально натерла морковки и дала бурачный сок.

– Уже можно не давать! Это ты по старой памяти, да? – через силу улыбнулась Лиля. – Спасибо! Ты на работу идешь? – опомнилась она.

– Иду, конечно. Я ведь играющий тренер. За салоном присматривать приходится, иначе начнут левых клиентов принимать. Только, умоляю, никуда не выходи. Скажи, что нужно, я все куплю.

– Мне ничего не надо, – пробурчала Лиля.

Уложив Мишку спать, она позвонила Олегу.

– Наконец-то! Ты зачем рушишь все договоренности? – заорал он в трубку.

– Ты о чем, Олег Иванович? – удивилась она.

– Где ты сейчас, а? – возмутился собеседник. – Почему не поехала в Город? Где вы вообще?

– Светка на море захотела, мы в Сочи поехали! – повинувшись инстинкту самосохранения, соврала Лиля.

– Зачем ты все время ее слушаешь? – не унимался Олег. – Это несерьезно, понимаешь? Мне тебя искать, что ли?

– Какая разница, где я? – Лиля старалась сохранять спокойствие, не выказывая ни малейшего раздражения. – Пропажу нашлась? Мы можем вернуться?

– Лиля, – тут же застонал в трубку Олег. – Что ты со мной делаешь? У меня пока нет ни одной свободной минуты! Я уже созвонился с нужным человеком.

– Спасибо.

– Не за что. Иштван был моим другом. В память о нем я пытаюсь помочь тебе.

«Ага, в память о своих деньгах ты «пытаешься» помочь мне», – мысленно уточнила Лиля.

– Только очень прошу, точно скажи, где вы остановились, я пришлю вам охрану! – снова принялся уговаривать Олег.

– Олежек, мы еще нигде не остановились, пока ничего не приглянулось. Едем по побережью.

– Езжай в «Юргу» или в «Белую Русь»! – приказал он.

– А мы уже проехали «Юргу», а в «Белую Русь» не хотим! И зачем мне охрана? И почему ты сразу не предложил?

– Остановитесь, позвони! Все, Лиль, у меня начинается совещание! – отрывисто оборвал Олег разговор и отключился.

Лиля с минуту смотрела на потухший экран, а в голове роились тревожные мысли. Нашлось, о чем подумать.

Она спустилась вниз и вышла во двор, где дети – Юлькин сын, Павлик и Светка – играли в карты. Дочка пыталась научить младшего Говорова играть в преферанс.

– Кто ж так ходит, болван? Ты ж вистующий! – негодовала она.

Лиля подошла к ним, поцеловала Светку, потрепала по голове Павлика.

– Мам, давай с нами играть, нам третьего не хватает.

– Не хочу, – отмахнулась Лиля и одной рукой обняла дочку, другой – Павлика. – Пойду под кондиционер. Здесь очень жарко. Вы бы тоже пошли в дом.

Лиля включила телевизор. Шел какой-то сериал, незатейливый сюжет которого можно было предугадать заранее. Но это не мешало мысленно разложить все по полочкам.

«Итак, номер раз: Олег почему-то уверен в их местонахождении. В Сочи они поехали, как же! Что, скажите на милость, заставило его так думать? Она не решилась встретиться с Зиной и даже не позвонила ей. Сегодня Юлька свяжется с Кондратьевой, возместит ей залог за аренду квартиры. Может, ее и там ждали? Кто и зачем? Во-вторых, Дунаев настоятельно требовал сообщить, где они остановятся в Сочи? Почему его это так интересует? Вот в чем вопрос!»

Ответов она не знала. По привычке подумала: «А чтобы сделал Иштван на ее месте?» Но одернула себя: «Муж сам влип в дрянную историю и расплатился за ошибку жизнью. Иштван – миротворец и дипломат – за несколько дней нажил лютых врагов. Как же это ты умудрился, любимый? Хорошо бы попросить Говоровых смотаться на кладбище, просто постоять у могилки». – И с ужасом осознала, что путь туда заказан. Если на нее тоже объявлена охота, то там ждут наверняка. Эх, покопаться бы в интернете! Может удастся найти нужную информацию?

К дому подъехала машина. Лиля подошла к окну. На обед приехал Стас.

« Попрошу его купить ноутбук, а то Пашкин компьютер занимать неудобно! И это меня отвлечет!» – мысленно усмехнувшись, решила она.

В компьютерный магазин Стас заехал сразу после обеда. Расплачиваться пришлось по карточке. Лиля настояла на таком условии.

– Пойми, вещь не дешевая, я не могу позволить, чтобы вы с Юлькой тратили на меня деньги. А наличных у меня не хватит.

– А если вычислят тебя по этой покупке?

– Нет, – уверенно отмахнулась Лиля. – Банк шведский, и к информации о счетах там не допустят ни папу римского, ни шведского короля.

Стас протянул карточку сильно накрашенной кассирше.

– Нет соединения с терминалом, – деловито оповестила она, – попробую еще раз. Пришлось ждать, пока зачислятся деньги.

– Хорошо! – согласился Стас.

«Ничего не поделаешь, терминал – капризная штука», – подумал Говоров, силясь представить, как это может быть? Деньги лежат себе на счету в Швеции, а на другом конце Европы можно потратить их на любую покупку.

Он оглянулся. Позади уже собралась очередь человек пять. А в самом конце обреченно стояла Лена Могилевская, секретарь Бессараба. За перерыв она точно не успеет вернуться в офис, а потом подвернется под горячую руку Ивану.

– Идите сюда, Лена, – позвал Говоров.

– Кто же остался в лавке? – насмешливо поинтересовался Стас, когда она подлетела к кассе. Лена не нравилась ему. При очень маленьком росте она умудрялась сутулиться, не умела одеваться, стеснялась носить очки и поэтому постоянно шурилась. Но самым ужасным Стасу казался ее тембр голоса. Визгливый, пригодный лишь для пытки ультразвуком.

– Иван Григорьевич уехал обедать. За ним Марина Сергеевна заехала. А у меня как раз закончился картридж, и я оставила вместо себя ГелюСамойлову.

– Прошла оплата, – возвестила кассирша.

– Еще пробейте чек за картридж, пожалуйста, – попросил Стас.

– По карточке? – возмутилась кассирша. Ведь с таким трудом дозвонились до этого проклятого терминала.

– Нет, за наличные, – отрезал Говоров.

– Распишитесь, пожалуйста. – Кассирша протянула ему чек.

Стас изобразил Лилькину роспись. Дома пришлось потренироваться.

– Я вас подвезу, – предложил он Леночке, когда оба с покупками вышли из магазина. – А то, не дай бог, Иван Григорьевич вернется раньше, устроит вам нагоняй.

– За что? – жалостливо пропищала Леночка. И даже растерялась.

– Ему не нравится, когда вас подменяет Самойлова.

– Да, он ее терпеть не может, – согласилась Могилевская. – Только я никак не пойму почему? Геля – прекрасный человек, очень исполнительная.

– Вы еще скажите, что хороший товарищ, – подначил Стас.

В конце рабочего дня сильно разболелась голова. И Иван попросил принести ему крепкого чая. Только что заваренного и сладкого. Он сидел, откинувшись в кресле, и отпивал маленькими глотками темную жидкость из большой кружки, размышляя о том, кто же все-таки ворует. Огульно обвинять Ивану никого не хотелось. Нужны точные факты! Когда же этот чертов Стас наймет аудитора? Он позвонил главному бухгалтеру и дал указание готовить документы для проверки. И, отхлебывая обжигающий горло чай, представлял, как толстая Дора Соломоновна бежит из своего кабинета в бухгалтерию, как кричит на подчиненных. Голова понемногу начала проходить и настроение улучшилось.

«Я, наверное, энергетический вампир», – самокритично решил Иван.

Но тут позвонил Юра Грибов, хозяин автостоянки и небольшой автомастерской. Вернее, он звонил Стасу, но того на месте не оказалось. По старой дружбе попросил переключить на Ивана. И своим звонком все испортил.

– Иван, тут история неприятная приключилась. Машину Стаса на стоянке стукнули.

– Сильно? – из любопытства и братской солидарности поинтересовался Иван.

– Сильно. «Волга» ржавая правый бок стесала.

– Ни фиги себе!

– Ну да. Мои сторожа данные все записали, только у мужика, что стукнул, совсем денег нет. Я что думаю. Он этот у меня на стоянке покалымит, а Стасу мои умельцы все отрихтуют.

– Подожди, Юр! Ты там пьяный что ли? Если мужик ездит без бабок и вкатывается кому-то в зад, то это только его проблемы. Или твои работнички тоже причастны?

– Да, – признался Грибов с явной неохотой. – Кричали, блин, правее-левее. Чтоб их!

– И сколько ж этому бедолаге придется у тебя калымить? А, Юр? Крепостное право уже отменили, ты в курсе? Еще в позапрошлом веке.

– Ты о чем, Иван, я не пойму, – жалобно заскулил Грибов. Ему не нравилось, когда Бессараб говорил вот так насмешливо.

– Это я не пойму. Какой-то козел разбил Стасову «вольво», ты ее, значит, отрихтуешь, а он на тебя поработает. Прекрасно! А чем ты рихтовать собираешься, Юра? Молотком? У тебя оборудования нет такого, чтобы «вольво» рихтовать, – начал кипятиться Иван.

– Нет, это новую машину ударили, «девяносто девятую», что сегодня пригнали.

– Какую «девяносто девятую»? Ничего не понял! Давай с самого начала! – потребовал Иван.

Юра Грибов испугался. Стал путаться в словах, многословно объяснять:

– Белую. Стас сегодня взял, инжекторную, с московскими номерами.

– Ты хочешь сказать, что Стас сегодня купил машину?

– Ну да.

– А почему думаешь, что купил?

– Я спросил, чья, мол, тачка? А он говорит – моя. Сегодня, мол, купил.

– Ладно, Юр. Сделай, как ты хочешь, я думаю, Стас не обидится. Все, пока. – И бросил трубку. Крикнул:

– Лена, зайдите!

Леночка вбежала в кабинет и замерла у порога.

– Говорова ко мне!

– Станислава Николаевича нет на месте.

– А где он? – рявкнул Бессараб.

– Я не знаю, Иван Григорьевич, – обреченно пробормотала секретарь и подумала, что сейчас начнется. Иван терпеть не мог, когда его подчиненные сообщали, что они чего-то не знают.

– Вы у нас кем работаете? Дворником или секретарем?

Леночка проблеяла что-то не членораздельное.

– Тогда почему не интересуетесь, куда уходит персонал в рабочее время? – выплеснул свое раздражение Иван.

Леночке хотелось уточнить, что Станислав Николаевич Говоров не рядовой сотрудник, а второй человек холдинга, но она даже заикаться об этом не посмела.

– А где письма для администрации? Готовы?

– Я уже почти закончила. Распечатать осталось.

– Слова «уже» и «почти» означают, что не готовы. Там всего пять писем, по странице каждое. Если вы не справляетесь в рабочее время, сидите в перерыв!

– Иван Григорьевич, в перерыв я ходила за картриджем, – начала оправдываться Леночка.

– Не придумывайте! – оборвал ее Бессараб. – В перерыв вы ходили по своим делам, а потом пошли за картриджем. И вместо вас опять сидела эта дура, Самойлова.

– Нет! – Леночку охватило отчаянье. – Я действительно ходила в перерыв. Спросите у Станислава Николаевича.

– Угу, он тоже покупал картридж? – с издевкой поинтересовался начальник.

– Нет, ноутбук, и в кассе долго не проходила оплата, поэтому собралась очередь. Он заметил меня...

– Ага, старик Державин нас заметил, – перебил ее Бессараб. И вдруг лицо его приобрело выражение как у охотника, загоняющего дичь. – Он картой расплачивался?

– Да, – тихо сказала она, осознавая, что невольно подставила Говорова. На заводе зарплату по старинке выдавали из кассы. Ну, ничего. Она успеет завтра предупредить Станислава Николаевича.

– Ладно, идите. Письма мне будут нужны завтра к девяти утра, – смирившись Иван и набрал мобильный Говорова. Но бодрый механический голос сообщил, что абонент находится вне зоны действия сети.

«Что происходит? Неужели ворует Стас? Поэтому и аудитора не ищет, невыгодно!»

Он набрал другой номер и женский голос проворковал:

– Да, Ив, слушаю тебя.

– Марин, я уже освободился, сейчас приеду, – велел он любовнице.

– Какая программа на вечер? – радостно захихикала она.

– На твое усмотрение, но дома. Ехать никуда не хочу.

После ужина и любовных утех Иван включил в спальне телевизор. И тупо уставился в экран. Там Сталлоне бегал по лестнице с чемоданчиком, утешал жену, дочь и еще какую-то молоденькую девицу. Под его беготню Иван рассуждал о Стасе.

«Глупо так попался! И чего ему не хватало? И ведь вместе начинали. Зачем ему меня обманывать? Было много непонятного в этой истории. Если бы он, Иван, украл бы деньги, то врядли бы сунул их в банк, и не стал бы тайно купленную машину отвозить на стоянку к Юре Грибову а, покупая ноутбук, звать идиотку Могилевскую».

Во время рекламы Иван приподнялся на локте и потянулся за пультом. Переключил на другой канал. Там заканчивалась передача памяти Иштвана Цагерта.

«Вроде и сорок дней уже давно прошли, а эти журналюги никак не угомонятся», – раздраженно подумал Бессараб и уже хотел переключить.

– Ой, оставь, пожалуйста. Сейчас интервью с Лилькой будет в прямом эфире, я видела анонс, – попросила Марина и улеглась рядом.

Иван терпеть не мог смотреть телевизор, лежа в обнимку. Он нехотя поднялся и пошел на кухню.

– Как ты можешь это смотреть? – буркнул он недовольно.

– Ну, Ив! Мне же интересно, я же знала их обоих! – протянула Марина.

– Это тебя не извиняет, – пробормотал Иван и вышел на кухню.

Когда он вернулся обратно, жуя пирожок с мясом, по ящику шло интервью с Лилей. Она была в черном облегающем платье. Из-за волос, гладко зачесанных назад, лицо казалось слишком бледным.

Глупая журналистка задавала бестактные вопросы, а Лиля очень корректно на них отвечала, чем привела Ивана в восторг.

«Она всегда была умницей», – подумал Иван. Настроение почему-то резко испортилось. Он перевернул огромное количество документов, перечитал все воспоминания современников, и понял, наконец, что когда-то давно совершил глупость, самую большую в своей жизни. И теперь, наконец, осознал, что означал взгляд Иштвана Цагерта. Только зачем ему теперь это? Где сейчас Лиля и Света? В Москве или в Швеции? И вероятность почти нулевая, что когда-нибудь доведется свидеться снова. Он для них чужой человек, не их круга. Пройдет время, и Лиля выскочит замуж за какого-нибудь видного деятеля. Зачем ей нужны простые смертные вроде Вани Бессараба?

Иван отогнал от себя дурные мысли. Уже ничего не исправить и назад не вернуть, так зачем же надирать себе душу? Он снова мысленно вернулся к Стасу.

«Ишь, как быстро помчался к Юльке в салон! Что же такого срочного могло случиться в парикмахерской? Салон! Почему я сразу не потребовал документы, а поверил на слово? Какие-

то Юлькины друзья одолжили денег. Кредитная линия. Ну-ну! Откуда вообще у жены Стаса знакомые при бабках? А я поверил. Вот дурак!»

– Одевайся, поехали. Отвезу тебя домой! – еле сдерживаясь, завелся Иван, и словно раненый зверь заходил кругами по комнате. Все, хватит думать о всякой ерунде. Пора принимать меры!

– Ну, ты же собирался сегодня провести вечер дома, – робко посетовала Марина. – Я и своих предупредила, чтоб не ждали.

– Нужно срочно кое-что обсудить со Стасом.

– Я поеду с тобой, можно? Или подожду здесь?

– Поезжай, если хочешь присутствовать при мордобое! – огрызнулся Иван. И Марина поняла, что этот разговор не предвещает Стасу ничего хорошего. Может, и следовало позвонить Говорову и предупредить, но ушлая Марина предпочла этого не делать. Друзья помиряются, Иван узнает, что она влезла, и не простит.

Глава 8

– Дело оказалось более сложным, чем мы предполагали, – откашлялся майор Лобанов, – мы проверили все личные связи покойного. Там нет особого криминала. Вернее, криминал есть, но не по нашей части. Пусть ОБЭП разбирается. Они уже вернули дело на следствие.

– Давай подробней, Слава! – то ли приказал, то ли попросил Алексей Петрович Шульгин, товарищ полковник.

– Финансовые махинации, снова обманутые вкладчики. Суть вот в чем. В Швеции зарегистрирована фирма «ТрастТрейд». Здесь в России тоже открыто ООО «ТрастТрейд», то есть полная тезка шведской фирмы. Здешняя компания начинает принимать вклады от населения под долговые обязательства «шведки», уставной капитал которой составляет, согласно рекламному проспекту, ни многони мало миллион долларов. Каждому вкладчику выдается вексель шведского «ТрастТрейда». Деньги отправляются на какие-то неведомые счета. Когда вкладчики одумались и попытались вернуть свои деньги обратно, то выяснилось, что шведская «ТрастТрейд» имеет уставной капитал всего тысячу долларов. При этом должностные лица российского «ТрастТрейда» живы и здоровы, и во время следствия, длившегося в общей сложности года два, сумели доказать свою непричастность к этой темной истории. Они, дескать, выступали посредниками, все документы отправляли на оформление в Швецию, где и выписывали веселя. Исами понесли убытки от недобросовестных партнеров. Те вроде их на вознаграждение кинули. Отмазались, одним словом!

– Почему дело вернули на следствие? – перебил Юра Костюк, майор, недавно переведенный в группу Славы Лобанова.

Слава решил, что это удачный повод выставить Костюка дураком. Маленький и щуплый Костюк его раздражал. Какой-то он был скользкий, и Лобанов интуитивно чувствовал, что этот человек подставит его при первом же удобном случае.

– Так в портфеле убитого найдены чистые векселя шведского «ТрастТрейда» и печать! – удивился он вопросу. И пояснил: – Полиция заморозила банковские счета и таскает на допросы всех участников тех далеких событий. А они, словно сговорившись, валят все на нашего покойника!

– Что по версиям? Есть подозреваемые в убийстве Цагерта? Экономические преступления меня интересуют только как версии по нашему делу! А всей финансовой чепухой пусть ОБЭП занимается! – резко сказал Шульгин.

– Подозреваемых нет. Личность убийцы сейчас выясняется. Видеокамеры внешнего наблюдения показали, что он ждал Цагерта около входа. Потом поднялся вместе с ним. Какой-то его знакомый. Но, судя по съемке, Цагерт встрече не обрадовался, даже руки не подал. Охрана видела этого типа впервые. Невысокого роста. Телосложение определить не удастся из-за огромной, явно не по размеру оранжевой куртки с какими – то салатными полосами. На голове – белая бейсболка с большим козырьком. Это все, что удалось увидеть в камеры наблюдения и смогли описать свидетели. Ясное дело, что оделся так специально! Опытный товарищ! Мы кое-как составили фоторобот. Показали вдове, но она его не опознала.

– С меня начальство уже голову снимает. А у вас даже подозреваемого нет!

– Да этот Цагерт был еще тот гусь, – азартно продолжал Слава. – Знаете, он в Стокгольме в середине девяностых установил фальшивый банкомат.

– Зачем? – в один голос спросили Шульгин с Костюком.

– Затем, что люди засовывают в банкомат свои кредитки и получают деньги. Какие-то мелкие суммы. Долларов до ста. А специальное устройство в банкомате считывало данные карты. А потом по этим данным нашими умельцами делались фальшивки, с помощью которых

со счетов шведских налогоплательщиков перечислялись деньги в оффшорные зоны, где они бесследно исчезали.

– Только не говори, что нашим покойничком интересуется еще и Интерпол! – ужаснулся полковник.

– Ага! – радостно подтвердил Лобанов. – Но самое интересное не в этом. Мы установили за вдовой слежку, и оказалось, что не мы одни. За ней следит еще кто-то. Стали прослушивать домашний телефон, выяснилось, что ей угрожают физической расправой. Причем звонки эти делятся на два вида. Первые – просто угрозы, вторые – с требованием что-то вернуть. В общем, есть версия, что Цагерт шантажировал кого-то, за это его и грохнули.

– И как в эти версии вписывается знакомый, что ждал покойника на крыльце? – устало заметил полковник.

– Может, обманутый вкладчик? – подал голос Костюк.

– Сомневаюсь, – поморщился Шульгин. – Цагерт не стал бы с ним разговаривать, тем более его вести к себе в кабинет. Он знал этого человека слишком хорошо и не ожидал подвоха.

– Есть еще такая версия, товарищ полковник: вдова могла заказать мужа и не полностью расплатиться с киллером, – тут же изобразил инициативу Костюк.

– Сейчас придумал? – насупился начальник. – Тоже маловероятно, чтобы киллер и жертва были знакомы.

– Самое странное, что по поводу угроз Лилия Михайловна за помощью в правоохранительные органы не обращается. Знает, наверное, откуда ветер дует... – сказал Лобанов.

– Ладно, возьмем эту версию за основу, коли других нет. Идите работайте! И вызовите вдову, пусть расскажет, про угрозы и про то, кого ее муженек шантажировал. Она-то знает, кому и что должна вернуть!

– А она дня три назад из города уехала, – пробурчал Лобанов.

– А подписка о невыезде? – встрепнулся полковник.

– С нее не взяли, – скривился Лобанов.

– Почему? – нахмурился полковник. – Она же близкая родственница потерпевшему.

– Знаю, но в деле нет, – пробурчал Лобанов. – В суматохе забыли или не успели. Вернется, опросим. Она же не навсегда сбежала. И всего лишь свидетель по этому делу.

– Кто ее знает! – фыркнул Костюк. – Всегда кто-то из близких причастен к убийству.

– Юр, во время убийства она находилась дома. Это подтвердила целая куча свидетелей. Домработница, соседи, родственники, – принялся объяснять Лобанов. – Да у нее и мотивов нет.

– Как знать? – снова встрял Костюк.

– Если это заказ, то придется нащупать все ниточки, связывающие заказчицу и исполнителя. И выдернуть их на поверхность. Вы уверены, что она уехала? – переспросил Шульгин.

– Да, соседи видели, как она отъезжала поздно вечером. Несколько человек описали в точности машину. Белая «девяносто девятая». Номер, правда, только одна соседка увидела. А вот буквы не рассмотрела.

– Дайте ориентировку. Куда мадам наша могла податься? – велел полковник.

Зазвонил телефон, и Шульгин потянулся за трубкой, а потом долго внимательно слушал. Видать, руководство звонит или кто повыше.

– Отставить ориентировки, – велел он. – Нашлась ваша дамочка. Она сейчас принимает солнечные ванны и плещется в волнах Черного моря где-то в районе Сочи. Генералу сегодня позвонил Дунаев. Просил отнестись с пониманием. Лето, каникулы, большое горе... Нам нужно строить версию, что это заказное убийство. В конце концов, потерпевший мог и не знать убийцу. Тот просто сослался на общих знакомых, приславших его!

– Вы думаете, что убийца выдал себя за курьера или таковым и являлся? – подвел итог Лобанов.

Лиля укладывала Мишку спать, когда внизу хлопнула калитка. Раздались крики. И на лестнице стали слышны голоса. Стас с кем-то переругивался. Особенно не прислушиваясь, из обрывков фраз Лиля поняла, что приехал начальник Стаса. Что-то случилось на заводе?

В комнату вбежали перепуганные дети.

– Мама, там какой-то урод появился, – зашептала Света, чтобы не разбудить брата. – Он вопит, что дядя Стасик – вор, что он купил на ворованные деньги машину и ноутбук.

– И что мамин салон тоже украл, – добавил Павлик, шмыгая носом.

– А ведь это же наши и машина, и ноутбук, – заметила дочка.

– Какая машина? – сразу не поняла Лиля.

– Мам, ну та, на которой мы приехали! – нетерпеливо пояснила дочь.

– А Юля где? – обратилась Лиля к Павлику.

– Пошла к бабушке. Это надолго! – хмыкнул Павлик.

Послышался шум, будто что-то тяжелое врезалось в стену. Дерутся там, что ли?

– Ладно, сидите с Мишкой. Он только засыпать начал. А я пойду, пока они там не поубивали друг друга. Где они? В кабинете?

– Да – да, – закивал головой Павлик, как маленький китайский болванчик.

За неплотно закрытой дверью орали матом. Чужой человек грязно ругался и при этом обвинял Стаса во всех грехах.

Затем в крике зашелся Стас:

– Если ты думаешь, что я – вор, то я уйду! Собрал вокруг себя барабанщиков, которые дуют тебе в уши какую-то дрянь вместо информации. Что ж твоя сеть стукачей не расскажет тебе, кто же действительно ворует на фирме?!

– Вот ты и расскажи! – проревел кто-то, как раненый зверь.

– А ты и так все уже решил, правда? На меня все повесил! Я ворую! Больше некому! Обокрал тебя, бедного! – снова завопил Стас.

– Нет, ты скажи, как это ты покупаешь ноутбук по кредитной карточке, пригоняешь из Москвы машину и даже словом не обмолвишься? Что я должен думать?! А салон твоей жены, где все блестит и сверкает? С каких шишей? Только не ври мне про мифических друзей!

– А мне плевать, что ты думаешь! И вообще иди на х...

– Чего сказал? Куда послал меня? Да я тебя в бараний рог согну!

Снова послышался шум.

«Кажется, эти двое сцепились не на шутку!» – пронеслось в голове, но размышлять уже времени не оставалось. Еще минута, и разъяренные мужики разнесут не только кабинет, но и весь дом.

– Машина и ноутбук мои, – тихо, но твердо сказала Лиля, заходя в кабинет. – Стас купил ноут по моей просьбе и по моей карточке. А деньги на салон Юле дали в долг мы с мужем.

– Лиля! Зачем ты пришла? – Стас оттолкнул от себя здоровенного мужика и чуть не поперхнулся от удивления. Человек отошел в сторону и, стоя спиной, пытался что-то вытереть на лице. Лиля заметила белоснежный платок, мелькнувший в руке обидчика.

– Не хочу, чтобы у тебя были неприятности из-за меня, – отрезала она твердо.

– Их и нет, дурочка! Просто сейчас этот тип уберется из моего дома, и больше я его никогда не увижу! – Стас взял ее за плечи и попытался выпроводить из кабинета.

– Подожди! – цыкнула на него Лиля. И обратилась к человеку, стоявшему в тени торшера. Неведомый собеседник молчал. Лиля не могла разглядеть его лица, но решила не сдаваться.

– Послушайте! Ваши обвинения беспочвенны. Если вам нужны доказательства, что эти вещи мои, я их вам предоставляю. И доверенность на автомобиль, и кредитную карточку, там моя роспись. И позвоню в офис, секретарь вышлет договор займа. Вы не смеете обвинять ни в

чем не повинного человека. Если вы действительно хотите найти того, кто ворует ваши деньги, везите все документы, я помогу найти вашего нечистого на руку сотрудника!

– Хочу! – Он моментально очутился рядом. И Лиля растерялась от неожиданности. Она узнала его, хотя меньше всего хотела б встретиться с ним. Именно сейчас, когда погиб Иштван. Ей казалось, что она забыла этого человека, даже как выглядит и вообще существует. За прошедшие пятнадцать лет он сильно изменился. Худенький стройный мальчик набрал в весе и превратился в здорового и крепкого мужика. Шевелюру темно-русых волос сменил на короткую стрижку. Он был гладко выбрит. Овальное лицо, холеное и самодовольное, говорило о стабильном достатке хозяина. На носу красовались очки в золотой оправе, придавая хозяину интеллигентный вид. Глубоко посаженные глаза смотрели холодно и высокомерно.

– Знакомьтесь, – собрался с духом Стас. – Это Иван Григорьевич Бесса...

– Мы знакомы, – перебил его Иван странным голосом, будто комок застрял в горле. – Здравствуй, Лиля!

– Привет, – выдавила она, всем своим видом показывая, что не рада встрече.

– Ты действительно можешь помочь? – Иван первым пришел в себя и поправил очки на переносице.

– Она лицензированный аудитор. Лицензия ЦАЛАК, между прочим! – вставил Стас, тайне радуясь, что дело повернулось таким образом.

– Могу, везите документы, – подтвердила она.

– Спасибо большое, – медленно проговорил Иван, украдкой разглядывая бывшую невесту. Все такую же красивую и желанную.

– Я это сделаю ради Стаса, *тебе* не за что меня благодарить! – отрезала Лиля. – И лишние деньги мне не помешают! Я дорого беру, Иван Григорьевич! – предупредила она, собираясь духом.

– Сколько скажешь, – не торгуясь, согласился Иван. Стас не знал, что и думать. За все восемь лет совместной работы Иван ни разу не заплатил требуемую сумму. Вечно торговался, вводил штрафные санкции. Просто запрещал оплачивать счета. А тут щедрость такая. С чего бы?

– Нам нужно поговорить, – заявил Бессараб.

– У нас одна тема для разговоров, Иван Григорьевич. И это воровство на заводе. А реальное оно или мнимое, могу сказать, когда увижу все документы. А больше нам обсуждать нечего! – отрезала Лиля и направилась к двери. Он перехватил ее руку. Она вырвалась, не скрывая отвращения. И даже инстинктивно вытерла руку об майку, словно Иван испачкал ее своим прикосновением. Стас молча глядел во все глаза.

– Подожди, пожалуйста! Нам нужно поговорить, я все теперь знаю, – быстро вставил Иван.

– Знаешь? – растерялась она, но быстро взяла себя в руки и фыркнула – Подумаешь! Теперь это ничего не значит! У каждого из нас своя жизнь. И не смей вторгаться в мою!

Она развернулась и, смерив Ивана уничижительным взглядом, вышла.

«Никто уже давно не разговаривал так с Бессарабом, – подумал Стас. – А Лилька – молодец! Врезала вражине по первое число!»

– Что здесь делает эта красавица? – раздраженно осведомился Иван, усаживаясь в кресле.

– Гостит, – пожал плечами Стас. Это и так понятно, зачем спрашивать! – И еще. Я очень тебя прошу, никому не говори, что видел ее здесь. Даже Марине.

– Вдовствующая королева прибыла инкогнито?! – едко усмехнулся Иван.

– У нее большие неприятности после смерти мужа. Мы ее прячем. Если ты кому-нибудь случайно проговоришься, ее просто грохнут, – тихо и очень серьезно предупредил Стас.

– Что значит грохнут? Какие неприятности? Ты что-нибудь об этом знаешь? – засыпал вопросами Иван. – И почему она здесь? У нее же полно денег и влиятельных друзей!

- К сожалению, у нее нет ни того, ни другого!
- Тогда давай выкладывай все, что ты об этом знаешь! – приказал Бессараб.
- С чего бы?
- Да без меня вам не справиться! – рявкнул Иван, теряя последнее терпение.
- Не могу! Лиля настроена против тебя. И я сам толком ничего не понимаю. Кто-то ее преследует, угрожает убить! – поморщился Стас.
- От тебя толку мало! Потом сама расскажет, – пробухтел Бессараб. – Сейчас охрану вызову. Пусть охраняют дом, пока Лилька здесь.
- Иван набрал Терентьева и попросил прислать пару толковых ребят. Мнением хозяина дома по этому поводу он даже не удосужился поинтересоваться. Потом долго тер лицо, обдумывая что-то и, наконец, устало процедил:
 - Никак не пойму, откуда вы знаете друг друга?
 - Они когда-то сильно помогли Юльке, – начал Стас.
 - Кто они? – бросил Бессараб, хотя и без того было понятно.
 - Иштван и Лиля. Там, в Швеции.

Там, в Швеции, все оказалось совсем иначе, чем говорили Юльке в фирме по трудоустройству за рубеж. Во-первых, у нее сразу же по приезде в Гетеборг отобрали паспорт и визу.

– Такие законы. А мы – законопослушные граждане, – на ломанном русском объяснил ей Йорген, мордатый рыжий парень, ставший на ближайшие два года ее работодателем.

- Ты массажистка? – оживился он, сверившись с каким-то клочком бумаги.
- Нет, я – косметолог! – попыталась возразить Юлька.
- Это все равно, работать будешь с 20:00 до 4-х утра. Понятно? Теперь иди в свой комнат, отдыхать! Сегодня твой смена!

В комнате оказалось две соседки. Они – то и просветили Юлю Говорову, куда она попала.

– Девочка! Это бордель, и не самый лучший, – прокаркала прокуренная деваха, похожая на бандершу.

- Готовься, зайка! – засмеялась другая и затянулась сигаретой.
- Где здесь туалет? – живо поинтересовалась Юлька.
- В конце коридора, – махнула рукой бандерша. И, подумав, добавила:
- Там еще стекло вынимается, можешь сделать ноги, девочка. Ты ведь не нашей профессии?
- Спасибо, – чуть слышно пробормотала Юлька.
- Только баул с собой не тащи, быстро хватятся и поймают.
- А как же? – воззрилась на нее Говорова.
- Доберешься до нашего консульства, про нас не забудь! – хмыкнула другая.

Юлька пулей прошмыгнула в туалет, там осторожно вынула стекло и быстро выпрыгнула на улицу. По вымытому с шампунем асфальту торопились какие-то люди, по идеальной дороге ехали машины, дети играли в ухоженном сквере, и совершенно никому не было дела до Юлии Говоровой, гражданки Российской Федерации. К остановке подошел автобус, и чинные шведы строго по очереди проходили на посадку. Она успела в самый последний момент и протянула водителю монетки. Потом, заняв место около окна, стала смотреть по сторонам.

Их Юлька заметила только после третьей остановки. «СААБ» Йоргена тихо катил за автобусом.

– Не вздумай обратиться за помощью к водителю. Он в доле, – сказал кто-то рядом по-русски. Юлька резко отвернулась от окна, рядом с ней сидел очень красивый парень и улыбался. Черные волосы, зачесанные назад, черные глаза, нос с горбинкой.

«Я красивых таких не видел», – говорил Есенин. Правда, про свою Шагане.

– А вы не подскажите, где российское консульство? – спросила Юлька.

– Ты откуда?

– Из России.

– Ясно, что не из Гвинеи Биссау, – развеселился парень. – Откуда именно?

– Из Города. А что?

– А как найти угол Петрашевского и Калинина?

– Никак. Это одна улица. Одна половина называется Петрашевского, другая – Калинина. Тебя так ностальгия замучила, что в автобусах дурацкие вопросы задаешь? – с издевкой спросила Юлька. – Лучше объясни, как к консульству добраться?

– В твоём случае – никак, – резко ответил парень. – Они тебя пасут, далеко уйти не удастся. Выйдешь со мной, землячка. А там что-нибудь придумаем. Да, и веди себя так, будто мы давно знакомы, поняла?

– Поняла. Только...

– Что, только? – усмехнулся незнакомец.

– Я... я не...

– Я понял, ты не такая, ты ждешь трамвая? – парень насмешливо посмотрел на нее и улыбнулся. И Юлька засмушалась от этого взгляда и от его улыбки.

– Меня зовут Иштван. А тебя?

– Юля, – проямлила она.

– Сейчас выходим, моя остановка. Ничего не бойся, – скомандовал Иштван.

На улице около них сразу же затормозил «СААБ», и Йорген чересчур быстро вытащил свое тучное тело из машины. Следом вышли еще двое. Один из них подбежал и схватил Юльку за руку.

– Это мой девка! – завопил Йорген, надвигаясь на Юлькиного спасителя.

Иштван что-то ответил ему на шведском. Диалог длился пару минут, не дольше. И Юлька увидела сначала удивление на лице Йоргена, сменившееся испугом. Последовали заверения на русском в вечной дружбе. «Жаль, что у Йоргена не было шляпы, он бы снял ее на прощание,» – подумала Юлька.

– Пойдем, все в порядке, – мотнул головой Иштван.

– Ты кто? – оторопела Юлька, но как замороженная пошла следом.

– Я? Джеймс Бонд! Не похож? – оглянулся на нее Иштван и снова засмеялся.

И тут Юлька испугалась. Она идет по улице с совершенно незнакомым человеком. Куда он ее ведет? А вдруг это маньяк? Извращенец? Теперь уж точно никогда и никто ее не найдет. Кто вообще он такой? И как избавиться от Йоргена?

Но Иштван уже подошел к подъезду очень respectable дома и открыл дверь ключом.

– Заходи, не бойся, тут не кусаются и не насилюют, – пошутил он, словно прочитав ее мысли.

Ничего другого не оставалось, как зайти следом. Юля поднялась за своим спасителем по лестнице, застеленной ковровой дорожкой. На площадках стояли цветы. И нигде не виднелись надписи: «Вася плюс Лена», «Гена – дурак», и никому из жителей не пришло в голову прижигать на потолке спички. Иштван распахнул дверь в квартиру и пропустил Юльку в просторный и светлый холл.

«Все, сейчас начнет приставать,» – подумала Юлька и уже прикинула, что придется давать отпор.

Но красавец-мужчина сразу крикнул вглубь квартиры:

– Лиль, ты дома? У нас гости!

Послышался топот маленьких ножек, и в холл вышла бледная девочка лет четырех с каштановыми кудряшками. Грустные глаза зажглись радостью. Мужчина подскочил к ней и очень аккуратно, словно хрустальную вазу, взял на руки.

- Привет, родная! – пробормотал Иштван, целуя слишком белую кожу около виска.
- Папочка приехал, – прошептала малышка и, обняв отца, положила голову ему на плечо.
- «Слава богу, у него есть семья, и он не извращенец!» – подумала Юлька.

Следом на зов мужа вышла женщина и остановилась как вкопанная, удивленно рассматривая незваную гостью. Она не показалась Юльке особенной красавицей. Русые волосы собраны в простой узел на затылке. Белая матовая кожа. Зеленые печальные глаза. Ничего примечательного.

– Лиль! Я сегодня герой, девушку спас. Она из Города, между прочим, – похвастался Иштван, прижимая к себе малышку.

– Правда? – удивилась Лиля и слегка улыбнулась.

– Да, – ответила Юля. – Ваш муж мне очень помог сегодня. Но я... Мне нужно в консульство. – Нужно уходить из этого дома, пусть и гостеприимного. Сразу видно, у людей больной ребенок, много хлопот.

Но Лиля остановила ее, предложив:

– Сначала надо поесть. И поверьте, у нас не часто бывают гости, а из Города тем более.

Во время обеда выяснилось, что Юльке очень повезло. Иштван редко пользуется автобусом, предпочитает машину или ходит пешком. И в том районе оказался совершенно случайно.

Словоохотливая Лиля поведала новой знакомой, что Иштван учится в аспирантуре в местном университете, что у их дочери какая-то стадия лейкоза, и ей в ближайшее время предстоит пересадка костного мозга.

– Ты можешь у нас остаться, пока не выяснится вопрос с этой рекрутинговой фирмой, – предложил Иштван. – Надеюсь, они вернут деньги или предложат более подходящую работу.

– Но мне очень неудобно стеснять вас.

– Где твои виза и паспорт? – напомнил Иштван.

– Остались у Йоргена, – промямлила Юлька.

– То-то же. Пока все не утрясется, сиди здесь и носа не высовывай на улицу.

– Ты позвонишь Вите? – осторожно спросила жена. – Может, он наведается в эту компанию по трудоустройству?

– Нашла властелина мира, – отшутился Иштван.

– Тогда позвоню я, – твердо сказала Лиля. – Это ж надо так людей кидать! Прямо работяга какая-то!

– Скажите, пожалуйста, моя жена собирается звонить моему другу! – деланно возмутился Иштван. – Сам потом позвоню.

– Да пока он разберется, пройдет неделя! Не может же человек просидеть семь дней взаперти?! – возмутилась Лиля и, смеясь, добавила. – Я Витьку еще с детского сада знаю, а ты со второго класса!

– Ладно, уредила! – Иштван прошел в другую комнату и стал кому-то названивать.

Через пару дней к ним на квартиру приехал толстый щекастый мужик в хорошо сшитом костюме и с кожаным портфелем. На носу у него громоздились очки в толстой оправе.

Он переговорил с Иштваном в кабинете, поцеловал руку растерявшейся Лиле и церемонно отбыл.

Оказалось, глава шведской компании лично доставил паспорт и визу. И, самое удивительное, Юльку зачислили на курсы косметологов, причем совершенно бесплатно.

– Деньги, которые ты заплатила за устройство на работу, фирма вернет. Но лучше, если кто-нибудь из родственников съездит за ними, – предупредил Иштван.

– Кто ты все-таки такой? – ошарашено поинтересовалась у него Юлька.

– Я? – переспросил он. – Король Венгрии Святой Иштван! И моя корона является главной реликвией страны! Не веришь, посмотри в энциклопедии!

– Живи у нас, – предложила Лиля, с которой за эту неделю они успели подружиться. – Все равно муж часто уезжает, нам со Светой скучно, и ты сэкономишь на квартплате.

Иштван действительно часто ездил, то в Германию, то в Австрию. Пару раз летал даже в Соединенные Штаты. По этому поводу Юлька никаких вопросов не задавала, а Лиля не открывничала. Конечно, она была в курсе всех его дел. Вечерам, после того как Света засыпала, они тихо разговаривали у себя в комнате. От этого шушуканья и от смеха, доносившихся из-за стены, Юльке становилось очень одиноко.

Потом нашелся донор, и Свете сделали операцию. Она лежала в палате, заставленной игрушками, бледная и несчастная. Рядом с ней неотлучно находилась сиделка. Лиля приходила с раннего утра и оставалась до самого вечера, пока дочка не засыпала. А Юлька взяла на себя стряпню и остальную домашнюю работу. Она успевала с утра сходить на свои курсы, а потом неслась домой, чтобы успеть приготовить обед. Часа в два из университета приходил Иштван, быстро и не глядя сметал все с тарелки, умудряясь при этом читать какие-то брошюры, а потом несся в больницу к жене и дочке.

Пару раз вместе с Лилей и Иштваном Юлька ходила навещать Свету в Центр Гематологии.

– Я бы осталась с ней, мне почему-то очень страшно оставлять ее, – призналась Лиля, когда в очередной раз их вежливо, но решительно выпроводили из Светкиной палаты.

– А представляешь, что было бы у нас? – спросила Юлька. – Каждому надо было б дать – и врачам, и медсестрам. Все-таки молодец Иштван, что вывез вас сюда!

– Мне даже страшно подумать, что было бы с нами, если б его не было рядом, – в сердцах вырывалось у Лили. Она замолчала, словно осеклась. Иштван обнял жену, чмокнул в нос.

– Ну-ну, дамы! Все страшное уже позади, наш ребенок поправляется, скоро и не вспомнит о своей болячке! По этому поводу предлагаю зайти куда-нибудь пообедать.

– У меня нет настроения! – потухшим голосом сказала Лиля.

– А дома ты совсем закиснешь, Лилечка! Давайте прошвырнемся по Авеню и зайдем в «Джи Джи 12», там замечательная кухня.

Ни до, ни после этого Юлька не была в таком ресторане. Принесли вино, суп из креветок, а напоследок – омаров.

Иштван заказал что-то особенное. И произнёс странный тост:

– Давайте выпьем за счастье, – предложил он, – которого б не было, если б несчастье не помогло. И я очень рад этому обстоятельству. Особенно теперь, когда все страшное позади!

Вино Юльке не понравилось, оно показалось слишком кислым и терпким. А тост – странным. Но расспрашивать она не решилась, в конце концов, в каждой семье есть свои скелеты в шкафу.

Глава 9

Домой Иван не поехал. Юлька и Стас его не пустили. Сон не шел. Он лежал на диване в огромном зале, рассматривал в полутьме мудреные завитушки, наклеенные на потолке, и думал о Лиле и Свете. Капризная судьба свела их на ночь в одном доме, а у него нет права даже подойти к ним. Ох, не по-людски все это! И в кабинете Лилька, словно еж, ошетибилась, как только узнала. Теперь главное – не упустить. Вот так соберет вещички в ночи и даст деру. Ищи ее потом!

Наверху захныкал ребенок.

«Схожу я с ума, что ли? – встревожился Иван и сам себя успокоил: – Показалось. Откуда тут младенцы?»

Потом на лестнице послышались шаги. Кто-то быстро спускался на первый этаж с тяжелой ношей.

«Лилька!» – решил Иван.

Он подскочил, застегнул джинсы, нащупал очки, брошенные на журнальный стол и, надевая их на ходу, бросился в коридор. Иван увидел ее на кухне и замер в дверях. В длинной розовой майке с Микки Маусом, босая и взлохмаченная девчонка. От строгой красавицы, отчитавшей его прошлым вечером, ничего не осталось. Сам того не желая, Бессараб устался на ее ноги. Длинные, словно точеные. Ему даже стало казаться, что за все эти годы он не встречал женщину с более красивыми ногами.

Она стояла около плиты и что-то помешивала в кастрюльке. Другой рукой прижимала к себе ребенка, положившего вихрастую голову на материнское плечо и обнимающего мать за шею пухлыми ладошками. Мальчишка – чуть больше года. С темными волосами, завивающимися кольцами, и большими черными глазами, в которых стояли слезы. Малыш, увидев незнакомого человека, неожиданно показавшегося из темноты, зашелся ревом. Лиля резко повернулась и уничижительным взглядом смерила Ивана.

– Ты его напугал, теперь он точно не уснет! – негодуя прошипела она и, отвернувшись, принялась успокаивать ребенка.

– Я услышал плач, думал, показалось, решил посмотреть, – стал почему-то оправдываться Иван.

– Ты все увидел, теперь уходи, – разозлилась Лиля и снова принялась мешать кашу, одновременно приговаривая что-то на ухо сыну. Малыш хныкал, словно раздумывал, что предпринять дальше. То ли успокоиться и с любопытством рассмотреть незнакомого дядю, то ли снова закатиться плачем.

– Давай я помешаю кашу, а ты его успокой. А то сейчас весь дом перебудит, – пробурчал Бессараб.

Лиля пожала плечами и аккуратно положила ложку на блюдце.

– Как хочешь, – хмыкнула она равнодушно и отошла, нежно поглаживая сына по спине.

Иван взял ложку, как эстафетную палочку, и принялся энергично мешать ложкой. «Увидел бы кто меня за этим занятием», – мысленно усмехнулся он. – Особенно пацаны из роты спецназа. Боевой командир варит манную кашу. Обхохочешься!»

Краем глаза он наблюдал за женщиной, которую, как оказалось, никогда не переставал любить. Лиля ходила по кухне и приговаривала на ухо сынишке то ли стишок, то ли скороговорку. Ребенок успокоился. Каша сварилась. Лиля поставила ее остужаться.

Потом она кормила сына, а Иван, молча, сидел рядом и смотрел заворожено.

«Только бы не прогнала!» – И от этой мысли не смел даже пошевелиться. Почему-то подумалось, что такой сценой могло начинаться каждое утро в его жизни. Если б он тогда позволил ей все объяснить, а не прогнал от себя, как шелудивую собаку. Но ничего не повернуть

вспять. Но стоит попытаться снова завоевать ту, что любила его без памяти. Ведь любила же! Еще как! Пока проклятый Цагерт не заставил ее лжесвидетельствовать.

«Эх, Лилька-Лилька, почему ты пошла на поводу у этого типа?» – в который раз мысленно сокрушался Иван, интуитивно понимая, что время для таких вопросов еще не настало. Сейчас главное – не дать ей снова уйти из его жизни. А все остальное поправимо.

Молчание затянулось.

Малыш ел с аппетитом, заглатывая ложку за ложкой белой вязкой массы.

– Как его зовут? – вдруг поинтересовался Иван, словно набравшись храбрости.

– Миша, – коротко бросила Лиля, не глядя на него, тем самым давая понять, что не расположена к светской беседе.

– Поздновато вы с Иштваном решились, – ляпнул он, не подумав.

– До этого не могли, Света сильно болела, – просто оповестила Лиля. Как-будто ни на что не намекая, а только сообщая факты.

– Мы должны поговорить... – не выдержал Бессараб.

– Нет, – перебила она спокойным голосом. Именно так говорят с провинившейся прислугой. – И послушай, пожалуйста, меня. Нет ни каких «мы», нет ничего, что тебе и мне требуется обсудить, кроме воровства у тебя на работе. И мне наплевать, что ты, наконец, что-то узнал.

– Я... – попытался возразить Иван.

Но она цыкнула на него, не дав договорить:

– Оставь меня, пожалуйста, в покое. Сейчас это единственное, что мне нужно.

– Я хочу помочь тебе.

– От *тебя* я помощи не приму, – холодно заявила Лиля, даже не поднимая глаз, словно вся жизнь сосредоточилась на этой дурацкой каше. Тарелка опустела. Лиля поднялась вместе с ребенком и, залив водой грязную посуду, направилась к двери. Иван стоял, облокотившись о косяк, и, когда она поравнялась с ним, загородил дорогу, попытался притянуть к себе.

Лиля отпрянула, как от прокаженного:

– Не смей прикасаться ко мне.

Иван послушно отошел в сторону.

– Извини.

– Откуда ты взялся на мою голову! – в сердцах бросила она и гордо удалилась.

Дом спал. Пришлось снова вернуться в зал и растянуться на диване. О том, чтобы поспать, уже и не мечталось. Он услышал наверху ее шаги. Сначала она прошла вглубь комнаты, видимо, положила ребенка, а потом заметалась, как птица в клетке. Затем шаги стихли, а с улицы потянуло табачным дымом, немного терпким и душистым, каким обычно пахнет от крепких дорогих сигарет.

«Отчего ж ты не спишь, моя красавица?» – мысленно воодушевился Иван, догадавшись, что Лилька так же взволнована сегодняшней встречей, как и он сам. А значит, еще не все потеряно.

Она уложила сына и принялась взад-вперед ходить по комнате. Босые ноги неслышно ступали по паркету. Затем Лиля вышла на террасу и, усевшись на пол, закурила. Слезы лились по щекам, с каждой затяжкой все сильнее.

– Иштван, миленький, что же ты натворил, а? Зачем полез в осиное гнездо, да еще разворошил его? Денежек захотелось срубить по-легкому? А о нас ты подумал? Знаю, что подумал. Знаю, что для нас старался. Жить-то теперь как дальше? – Лиля глубоко вздохнула, пытаясь унять слезы, но ничего не вышло, и она расплакалась с новой силой. Когда рыдания кончились, и слезы, пробежав дорожками по щекам, высохли, и сил уже не осталось, чтобы оплакивать, она тупо уставилась в одну точку. Ее взгляд зацепился за ротанговое кресло, стоявшее в стороне от основного гарнитура. Лиля вспомнила, как пару лет назад этот самый набор плетеной мебели стоял во дворе, и Иштван нога за ногу сидел таком же кресле, пил коньяк и смеялся.

Она словно воочию увидела тот вечер, раскрашенный закатом в теплые тона, круглый стол, ломившийся от шашлыков, раков, огромных помидоров «бычье сердце» и зелени. Лиля тогда, не дождавшись к столу остальных, стащила кусочек шашлыка и съела, как конфетку. Горячее мясо обжигало язык, в животе толкался Мишка, и жизнь казалась такой чудесной.

– Я самая счастливая! – заявила она мужу, а он потянулся к ней и радостно чмокнул. Нельзя, нельзя вслух говорить такое! Даже думать нельзя!

Где оно теперь, это счастье?

В комнате заворочался малыш, позвал спросонья. Лиля встала и на ватных ногах пошла к сыну. Легла рядом на двуспальную кровать, где, развалившись, спал их с Иштваном сыночек, и чуть слышно поцеловала ребенка в висок.

– Спи, мой хороший, – прошептала она. Малыш, не просыпаясь, перекатился на бок, уткнулся ей грудь. – Счастье мое. Ты и Света. Только отца вашего больше нет с нами, – пробормотала она, закрыв глаза. Опять начали душить слезы и скатываться в уши, но Лиля не обращала на них внимания, боясь пошелохнуться и разбудить сына. Постепенно ее сморил сон, чуткий и тревожный, сквозь который она слышала, разговоры мужчин во дворе, работающий двигатель и шум открывающихся ворот, выпускающих автомобиль из говоровского двора. Оставалось только надеяться, что Иван уехал и больше не вернется.

– Между вами раньше что-то было? – любопытствовал по дороге на работу Стас у задумавшегося Бессараба.

– Да, – добродушно отмахнулся тот, улыбаясь. Хоть остаток ночи он провел, размышляя, что предпринять дальше, настроение казалось превосходным. Вижу цель – следую к ней!

– Серьезное что-нибудь, или так, шуры-муры? – не унимался Стас.

Хотелось послать его или посоветовать следить за дорогой. Но Иван решил завербовать себе союзника.

– Заявление в загс чуть не подали. И Света – от меня, – признался Иван и посмотрел на Стаса. Ему стало интересно, какую реакцию на собеседника произведет его признание.

– Что-то помешало? – бесстрастно любопытствовал Говоров. Ивану почудилась издевка в его голосе.

– Сверни на повороте, заедем ко мне. Нужно переодеться, – велел он, игнорируя вопрос. Родной дом встретил ароматами кофе и выпечки.

– Только что сварила! – сообщила Александра Васильевна, его домработница. – И пирожки согрела.

– Мы уже завтракали, – отмахнулся Иван.

Домработница всплеснула руками. Бессараб направился в кабинет, позвал за собой Стаса:

– Иди сюда.

Он достал из ящика массивного письменного стола, отделанного резьбой, фотографию в рамке и протянул другу.

– Смотри.

– Откуда у тебя фотография Светы? – изумился тот.

– Это Таня – моя сестра. Она умерла. Помнишь, я рассказывал?

Стас кивнул и уставился на снимок. Как это раньше рисовали картинки в журнале «Мурзилка» «найди десять различий»? Конечно, лицо очень похоже, и рассыпанные по плечам кудряшки такие же.

– Да-а-а, дела! Почему ж ты тогда не женился на Лильке? – возмутился Стас.

– Решил, что это ребенок Цагерта, – выложил правду Иван.

– Кто-то надоумил?

– Получился испорченный телефон. Это проклятая история, и, чтобы о ней говорить, мне нужно сильно напиться.

– Подожди, это из-за Лили ты тогда институт перед самым дипломом бросил и пошел добровольцем в Афган?

– Ну, положим, до Афгана мы так и не добрались, уже войска выводить начали, но до моста Дружбы дошли, и в Амударье ноги помыть довелось, – рассмеялся Иван и добавил, ухмыляясь. – Даже не догадывался, что ты в курсе моего боевого пути.

– А чего там знать? – фыркнул Говоров. – Афган, Абхазия, Первая чеченская...

– Я ж и говорю, прям биограф мой.

– Ты ж везде отметился, – отмахнулся Стас и спросил серьезно: – В марте из-за этой истории с катушек слетел?

– Да.

– Как догадался?

– Увидел Свету, узнал, что у нее был лейкоз. Много ума надо, что ли? – пожал плечами Иван, но уточнять не стал. Дочку увидел первый раз на экране телевизора, а о ее болезни узнал от посторонних. Позорище.

– Что предпримешь? – полюбопытствовал Стас, прекрасно понимая, что его посвятили в эту «Санта-Барбару» неспроста.

– Это моя семья! Пора ее вернуть.

– А Лиля согласна? – насторожился Стас. – Тут, Иван Григорьевич, в приказном порядке не решишь. И что хочешь от меня?

– Не мешай мне с ней видиться.

– Да кто ж мешает? – удивился Говоров.

– Если я буду говорить на черное – белое и наоборот, не возражай, – продолжал выдвигать свои требования Бессараб.

– Ты только не навреди ей, пожалуйста! – Искренне попросил Стас.

– Я не могу ей навредить, я люблю ее! – резко оборвал Иван.

– Моя жена сказала бы: «Как все запущено»! – пробормотал Говоров.

– Кстати, о твоей жене. Постарайся нейтрализовать ее, ладно? – душевно попросил Бессараб.

– Попробую, но не обещаю. Юлька и так к тебе настороженно относится. А если узнает о твоём героическом прошлом...

– Я переживу. А ты позвони в течение дня домой, узнай у Лильки, может, есть какие-то вопросы. Мне пока как-то неудобно.

Но звонить Стасу не пришлось. Часов в одиннадцать Лиля набрала его сама.

– Когда будешь везти документы, захвати внутренний план счетов и приказ об учетной политике, – попросила она.

– Хорошо, сейчас бухгалтер подготовит, и я привезу в обед. Или Иван.

– Приезжай лучше ты, Стасик, – взмолилась Лиля и отключилась.

Стас посмотрел в окно, за которым, несмотря на утро, уже поднималась жара, на ветку тополя с жухлой и пыльной листвой, и задумался о невероятных жизненных фортелях, которые случаются на каждом шагу. Сегодня утром он увидел прежнего Ивана, которого знал раньше. От недовольного самодура – начальника не осталось и следа. И вся причина, оказывается, в Лильке! В белесой, худой и длинноногой! Эх, бабы, бабы, что же вы с нами делаете!

Он пощелкал пультом и включил сплит. Оттуда повеяло прохладой. Стас еще постоял у окна, поразмыслил с минуту и позвонил жене.

– Будьте добры Юлию Дмитриевну! – попросил он.

– Да. Слушаю! – бодро крикнула жена в трубку.

– Юль, давай съездим, посидим в обед в ресторанчике. Только ты и я.

– Что случилось-то, Говоров? – насторожилась его дражайшая половина. Стас словно увидел напряженный взгляд благоверной.

– Ничего, хочу хоть час провести наедине со своей женой. Это предосудительно? – шумно вздохнул Стас.

– Нет, – тихо заметила Юля – видимо, не нашлась, что сказать.

– Я заеду за тобой около часа. Только ты выходи сразу, чтобы время не терять, – быстро добавил он, не давая ей возможности передумать или решить все по-своему.

– Хорошо, – ошарашено пробормотала она. Муж не каждый день звал ее в ресторан.

– И позвони Лиле, чтобы обедать нас не ждала. Только не говори, что мы в кабак нацелились, а то ей обидно станет. Скажи, что по твоим делам. Ну, придумай что-нибудь.

– Ладно. Только учти, родной, если это какие-то уловки, головы тебе не сносить! – предупредила жена, вновь обретя боевой задор.

Документы повез Иван.

Глава 10

Сразу после обеда зазвонил телефон. Незапланированный выход на связь.

– Я виделся с людьми, – начал Олег без предисловий, – завтра начнут поиски. Условия такие: как только все найдется, ты можешь возвращаться. Лично к тебе претензий никто не имеет.

– Спасибо, Олег. Но я смогу вернуться только через две недели, – уточнила Лиля, а про себя подумала, почему она не выключила этот дурацкий сотовый.

– В чем дело? – устало поинтересовался Олег. Лиля второй день выводила его из себя, рушила все его планы и немало в этом преуспела.

– У меня тут макля наметилась, – отшутилась она.

«Макля» – любимое слово Иштвана.

– Лилечка, – говорил он ей часто, – я задержусь, у меня тут макля.

– А она хорошенькая? – весело интересовалась Лиля.

– Конечно, – смеялся он.

Перехватило дыхание, на глаза навернулись слезы, и она замолчала.

– Где у тебя макля, Лиля? На Черном море? – насторожился Дунаев.

– Да, мы остановились в частной гостинице, – принялась врать Лиля. – И, представляешь, встретила тут знакомых. С хозяйкой мы учились вместе в школе. В параллельных классах. Она была даже влюблена в Иштвана. Мы с ней посидели, поревели. А потом оказалось...

– Лиль, мне это неинтересно, – перебил Олег. – Я завтра позвоню, сообщу результаты. Когда хочешь, тогда и возвращайся. Тебе полезно сейчас отдохнуть. И, будь добра, не лезь ни в какие макли! Кому-то это стоило жизни!

– Я знаю, Олег! – в сердцах воскликнула Лиля и разревелась. – Олежек, миленький, как мне плохо без него! Я даже на кладбище съездить не могу!

– Ну-ну, Лиль, все обойдется. Обиды держать на тебя не будут, найдут свою макулатуру и флешки, и можешь смело ехать на кладбище или куда тебе еще угодно, даже в Швецию. Никто тебя не тронет! – принялся успокаивать ее Олег. – Я договорился, слышишь?

А через час приехал Иван. Лиля увидела, как около дома припарковался «галендваген», большой и неуклюжий, как его хозяин. Такие машины не нравились Лильке: словно для перевозки покойников. Черные, блестящие, с прямыми углами. Она увидела в окно, как двое охранников, подъехавших следом на «девятке», стали заносить во двор коробки. Одна, две, четыре... Лиля насчитала шестнадцать коробок. «Зачем я только предложила провести эту проверку? Так я домой до следующей весны не уеду», – засомневалась она, хотя с вечера казалось, что поступает правильно.

Иван стоял, облокотившись на свою драгоценную машину, и наблюдал за выгрузкой. Вдруг он поднял голову и увидел в окне Лилю. Он улыбнулся и, приложив пальцы к виску, насмешливо отдал честь, как старшему по званию. Лиля равнодушно посмотрела, словно мимо него, и опустила занавеску.

«Как в детском саду, – раздраженно подумала она. – Ну, ничего, скоро мы уедем, и все закончится».

И пошла переодеваться. Негоже появляться перед работодателем в старой майке и затасканных шортах. Не комильфо!

Она вошла в кабинет, одетая в длинное льняное платье с квадратной горловиной, оставившей открытыми лишь ключицы. У Ивана перехватило дух. Ему захотелось подойти и поцеловать этот маленький кусочек кожи, прикоснуться губами к нежной шее. Пусть и прошло

пятнадцать лет, но что-то там тлело в глубине души, раз стоило им встретиться, и огонь на старых углях полыхнул с новой силой.

Лиля села за стол, предоставив Ивану сесть с краю.

– Вы можете обрисовать всю картину в целом, Иван Григорьевич? – официально начала она.

– Что ты хочешь узнать в первую очередь? – растерявшись, словно она прочла его крамольные мысли, осведомился Иван.

– Мне нужны договоры, схема работы, внутренний план счетов. Я просила об этом Стаса.

– Давай я расскажу тебе по схеме, Лиля. И давай без официоза? Мы вроде давно знакомы, – невесело усмехнулся Бессараб.

«Лучше б я тебя век не знала», – пронеслось у нее в голове, а вслух пришлось объяснить культурно:

– Вы работодатель и так принято. Так легче, Иван Григорьевич.

Он рисовал ей схему работы холдинга: чертил кружочки, проводил стрелочки. Она попросила написать, какие существуют договоры между участниками. Схема оказалась громоздкой и имела несколько ошибок.

– Кто это для вас разрабатывал? – поинтересовалась Лиля корректно.

– Я сам – гордо провозгласил Иван, надувая щеки.

Лиля на минуту задумалась, словно решаясь, потом взяла карандаш и решительно пододвинула лист к себе.

– Ну, во-первых, вот здесь вы попадаете под двойное налогообложение, – она обвела карандашом место пересечения нескольких стрелок.

– А тут, – тонкий грифель прочертил овал, охватывая несколько окружностей, – у вас договор переуступки права требования. А налог на добавленную стоимость заплатили?

– Ну, мы же еще не получили оплаты! – надул щеки Иван.

– По этому договору налоговые обязательства наступают в момент подписания. Вы разве не знали об этом?

– Нет, – насупился Бессараб. И про себя уже решил, какой разгон он устроит Доре. Завтра. Нет, сегодня!

– Только никого не ругайте, ладно? – попросила проницательная Лиля, словно прочитав его мысли.

– Хорошо, – удивился он. – Не буду, пока все не проверишь.

Лиля проверяла документы уже неделю. Звонил Олег, настойчиво просил вернуться обратно. Все же нашлось, чего торчать у чужих людей?

– Никто на тебя не в обиде. Человек понимает, что ты не при делах, – снова заладил Дунаев. – И будет лучше, если ты позвонишь ему, он пару раз спрашивал о тебе, – увещевал Олег.

– Кому лучше, Олег? – уточнила она.

– Тебе, мне... – ответил он неопределенно.

Она позвонила, и на том конце провода вроде бы обрадовались ее звонку. Ей предложили хорошо оплачиваемую работу, сделали пару комплиментов и душевно попрощались.

Будь ее воля, она бы сейчас же схватила детей и вернулась в Москву. Но оставалась эта дурацкая проверка. Как в детской игре «сыщик, ищи вора». Она исписала несколько листов замечаниями. Хватало и неверно оформленных документов и просто ошибок. Но вычислить вора, как она лихо пообещала Ивану, Лиля пока не сумела. А отступать не хотела. В ней проснулось упорство Иштвана, недаром она прожила с ним столько лет. Она просто обязана победить этого неведомого вора, победить Ивана. Доказать ему, что сама что-то стоит, чтобы

его проняло наконец, кого он потерял. Лиля разозлилась на себя за такие мысли и прогнала их прочь.

Иван снова сделался мрачным и недовольным. Гонял персонал почем зря, и люди с утра интересовались у Леночки, в каком настроении небожитель, и старались под любым предлогом исчезнуть из офиса.

Он распекал начальника производства за найденный спрятанный в цеху брак, когда в его кабинет вломился Стас. Радостный и взволнованный.

– Нашла! – возвестил он.

– Что? – не понял Иван.

– То! – передразнил Стас. – Только что позвонила, она все нашла!

– Поехали, – рыкнул Иван и выбежал из кабинета. За ним поспевал Стас.

Дорогой Иван затосковал. Теперь Лилька уедет, и он ее больше никогда не увидит и не сможет признаться ей, что все годы обманывал сам себя. Нет никакой ненависти, а только обида на себя самого:

«В кого же я такой дурак уродился?!»

Лиля достала несколько сшивов, в которых были сделаны закладки.

– Смотрите, вот здесь. Идет оплата за информационные услуги, ООО «Сирена». Вот приложен акт выполненных работ и счет фактура. – Лиля лихо перелистывала страницы, находила нужный документ.

– Ну и что, консультировались с кем-то... – пожал плечами Стас.

– Ага, в общей сложности на сорок две тысячи! С кем? – закричал Иван. – Лучше помолчи, пусть она закончит!

– А теперь смотрите вот здесь. Тоже ООО «Сирена», но уже это транспортные услуги.

– Может, другая? – с надеждой спросил Иван, он до конца не верил, что на фирме завелся вор. – Мало ли фирм с одинаковым названием?

– Нет, Иван Григорьевич! Та же, все реквизиты совпадают.

– А теперь дальше... – продолжала Лиля, но договорить не успела.

– Мам! Иди скорее там ... там говорят, что мы разбились! – В кабинет влетела перепуганная Света.

– Где? – охнула Лиля.

– В телевизоре, по «РТР»!

Стас тотчас потянулся за пультом. Щелкнул на вторую кнопку, где шла «Дежурная часть». На экране на краткий миг замерло изображение покореженной белой «девянносто девятой» с московскими номерами, упавшей с обрыва где-то под Сочи. И номера были Лилькины.

Она подскочила к экрану, пытаясь разглядеть что-то в кадре.

– Буквы другие, – простонала она тихо. Ноги сразу стали ватными, сердце забилося сильнее. Она опустилась на диван. К матери сразу же кинулась Света. Лиля обняла ее, прижала к себе.

– Все пассажиры погибли. Первоначально предполагалось, что в этой машине находилась вдова Иштвана Цагерта с детьми, – весело, как ни в чем ни бывало, сообщил диктор.

Лилька обняла дочь и застыла, словно статуя. Из этого состояния ее вывел звонок сотового. Она, как фурия, бросилась к нему и отключила.

– Нас просто выманивали. А я чуть было не поверила, что все закончилось, – сказала Лиля, чуть не плача.

– Не раскисай, – сказал Стас. – Что-нибудь придумаем! Спрячем вас у моей тетки в деревне.

– Я думаю, что ничего страшного нет. Пока нет, – размеренно произнес Иван. – Твои враги не знают, где ты. Иначе, с какого бодуна им таранить похожую машину аж под Сочи.

– Понимаешь, я сказала Олегу, что мы поехали на море и остановились в Сочи, – устало пояснила Лиля и сама не заметила, как перешла на «ты».

– Кроме него, никто не знал? – строго спросил он.

– Нет! Я ни с кем больше не общалась! – вскрикнула она.

– Значит, предал, – хладнокровно заключил Иван, по его лицу прошла легкая гримаса.

– А может, не предал, может, кто-то через Интернет сделал распечатку разговора... – подала голос Света. – Мам, и вытащи батарейку из мобильного, чтобы не отследили.

– Она права, – поддержал Иван.

– Еще как, – с апломбом заверила его собственная дочь.

– В любом случае, вам нужно сменить укрытие, – пробурчал Иван.

Лилия растерянно посмотрела на него, потом на Стаса.

– Боюсь, он прав, моя дорогая!

– Хорошо, я завтра уеду, – упрямо сказала Лилия. И ее глаза наполнились слезами.

– Ты переедешь в мой дом, – поставил в известность Бессараб.

Лилия заметила перемену, произошедшую в нем. Такого Ивана она видела впервые.

Внизу стукнула калитка. Приехала с работы Юлька. Она долго копошилась на крыльце. Потом побрела на кухню. Зазвонил домашний телефон, и она подхватила трубку.

– Да, слушаю! – сказала она, запыхавшись.

– Юлия Дмитриевна? – тихо осведомился усталый мужской голос. Молодой и незнакомый.

– Ну да! – изумилась Юлька.

– У меня для вас важная информация, – продолжал неведомый собеседник. – Не вешайте трубку, я не смогу позвонить еще раз.

Звонок заинтриговал, и Юлька с трубкой около уха понеслась через ступеньки наверх, в кабинет. Показала Стасу на аппарат, стоящий на письменном столе:

«Нажми громкую связь!»

– Юлия Дмитриевна! Я звоню по поводу ноутбука, который ваш муж покупал несколько дней назад. Его настоящего владельца, вернее, владелицу, я вычислил через карту оплаты и обязан доложить руководству. С этого телефона никуда не звоните, пожалуйста.

– Зачем вы это делаете? – не выдержала Юлька. Стас замотал головой и pokrutil пальцем у виска.

– Года три назад мы провели с ней незабываемую ночь, – вдруг весело сказали из трубки, и сразу пошли гудки отбоя. Все молчали.

– Это же Селебрэйт! – проговорила потрясенная Лилия, узнав Юлькиного собеседника.

– Он что, твой любовник? – разозлился Иван. Сообщение о незабываемой ночи привело его в бешенство.

«Если сейчас она ответит утвердительно, развернусь и уйду. Пусть сама разбирается со своими мужьями, любовниками и высокопоставленными друзьями!» – решил он.

– Это наш сосед. Мама застряла с ним в лифте. И они просидели там всю ночь, – принялась объяснять Света.

– Почему всю ночь? – удивилась Юлька. – Как же Иштван тебя не хватился?

– Ночь была новогодняя. Мы отмечали Новый год у Панкратовых, на втором этаже. Мужчины опять принялись говорить про работу. Я обиделась и пошла домой. Идти по лестнице не хотелось, и я решила один этаж проехать. Вызвала лифт, а там сосед наш с пятого этажа. Он в ОБЭПе работает. Между вторым и третьим этажом лифт застрял. И мы просидели в нем всю ночь.

– А Иштван? – повторила Юля.

– Что Иштван? – устало переспросила Лилия. – Иштван пил с Панкратовым коньяк и обсуждал новый инвестиционный проект до шести часов утра. Потом прошел мимо соседей,

которые пытались нам помочь, и мимоходом посоветовал вызвать МЧС. И только дома обнаружил, что меня нет, и Светка сообщила, что я не возвращалась. Он понял, что в лифте нахожусь именно я. Развил бурную деятельность, и через полчаса нас достали из этого проклятого лифта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.